

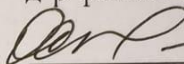
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЕВА»

Факультет филологический
Кафедра русской и зарубежной литературы

УТВЕРЖДАЮ

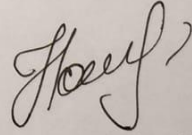
Зав. кафедрой

д-р филол. наук, проф.

 О. Ю. Осьмухина

« 16 » июня 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА Н. П. ОГАРЕВА КАК
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Автор бакалаврской работы 10.06.2020г. Е. В. Налепина

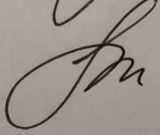
Обозначение бакалаврской работы БР-02069964-45.03.01-15-20

Направление 45.03.01 Филология

Руководитель работы

канд. филол. наук, доц. 10.06.2020г. М. А. Тростина

Нормоконтролер

д-р. филол. наук, проф. 10.06.2020г. Е. А. Шаронова

Саранск

2020

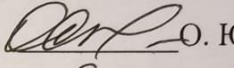
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЕВА»

Факультет филологический
Кафедра русской и зарубежной литературы

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филол. наук, проф.

 О. Ю. Осьмухина
« 8 » август 20 20 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ
(в форме бакалаврской работы)

Студент Е. В. Налепина 401 группа

1 Тема Любовная лирика Н. П. Огарева как художественный феномен

Утверждена приказом № 10181-с от 30.12.2019 г.

2 Срок представления к защите 01.06.2020

3 Исходные данные для научного исследования: любовная лирика Огарева, монографии, литературно-критические работы по теме исследования

4 Содержание выпускной квалификационной работы

4.1 Введение

4.2 Любовная лирика Н. П. Огарева в контексте русской поэтической традиции 40–60-х гг. XIX века

4.2.1 Тайная любовь как сюжетобразующее начало «Книги любви»

4.2.2 Осмысление любовной лирики Н. П. Огарева в отечественной критике и литературоведении

4.3 Художественные особенности любовной лирики Н. П. Огарева

4.3.1 Основные образы и мотивы любовной лирики Н. П. Огарева

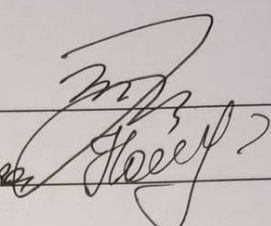
4.3.2 Стилиевые особенности любовной лирики Н. П. Огарева

4.4 Заключение

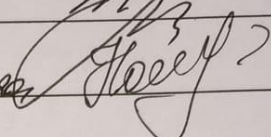
4.5 Список использованных источников

Руководитель работы

канд. филол. наук, доц. 20.08.2021

 М. А. Тростина

Задание принял к исполнению 20.08.2021

 Е. В. Налепина

РЕФЕРАТ

Бакалаврская работа содержит 71 страницу, 50 использованных источников.

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА, МОТИВ, ОБРАЗ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ, КНИГА ЛЮБВИ, ОГАРЕВ, ФЕНОМЕН.

Объектом исследования является любовная лирика Н. П. Огарева.

Цель исследования: описать художественное своеобразие любовной лирики Н. П. Огарева.

В процессе работы использовались биографический, структурно-семантический и сравнительно-сопоставительный **методы**, метод целостного анализа художественного произведения.

В результате исследования любовная лирика Н. П. Огарева рассмотрена в контексте русской поэтической традиции 40–60-х гг. XIX века; мотив «тайной любви» представлен как сюжетообразующее начало «Книги любви»; показана рецепция любовной лирики Н. П. Огарева в критике и литературоведении; проанализированы основные образы и мотивы любовной лирики Н. П. Огарева; описаны средства создания поэтической образности в любовной поэзии Огарева.

Степень внедрения – частичная.

Область применения – при чтении лекций, проведении практических занятий и элективных курсов, разработке и написании учебных пособий по русской литературе XIX века.

Эффективность – повышение качества знаний учащихся по курсу «Истории русской литературы XIX века».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1 Любовная лирика Н. П. Огарева в контексте русской поэтической традиции 40–60-х гг. XIX века	10
1.1 Тайная любовь как сюжетобразующее начало «Книги любви»	10
1.2 Осмысление любовной лирики Н. П. Огарева в отечественной критике и литературоведении	25
2 Художественные особенности любовной лирики Н. П. Огарева	36
2.1 Основные образы и мотивы любовной лирики Н. П. Огарева	36
2.2 Стилиевые особенности любовной лирики Н. П. Огарева	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	67

ВВЕДЕНИЕ

Тема любви – одна из универсальных тем в мировой литературе. Специфика ее художественного воплощения зависит от целого ряда факторов, среди которых особенности эпохи, духовная доминанта и мировоззрение писателя и т.д. Русская литература во все исторические периоды рассматривала любовь как непосредственное, интимное и глубокое чувство, предметом которого выступает, прежде всего, человек, но могут быть также другие объекты, имеющие особую жизненную значимость. Любовью отмечена вся человеческая деятельность во всех ее проявлениях (любовь к труду, родине, природе и т.д.). Любовь – это также единственный способ понять другого человека в его глубочайшей сущности.

Русскими поэтами разных литературных эпох создано множество прекрасных строк о любви, выступающей источником поэтического вдохновения. Большинство из них хорошо известно читающей публике («Песня» («Когда я был любим...»), «Песня» («Мой друг, хранитель ангел мой...») В. А. Жуковского, «Я помню чудное мгновенье...», «Я вас любил...» А. С. Пушкина, «О, как убийственно мы любим...» Ф. И. Тютчева, «Стихи о Прекрасной Даме» А. А. Блока и т.д.), другие же несколько «оттеснены» на задний план в силу разного рода обстоятельств и заслуживают своего прочтения. К числу последних можно отнести любовную поэзию Н. П. Огарева – публициста, поэта, философа, политического деятеля, чье поэтическое наследие до сих пор не удостоилось должного внимания отечественных литературоведов ввиду вполне объяснимого интереса к его публицистике, пронизанной революционными идеями. Сам Огарев считал себя прежде всего – поэтом, а поэзию – главным призванием: «Ей одной предан я, она моя жизнь, моя наука, моя философия, моя политика... Поэзия возвысила меня до великих истин...» [35, с. 264].

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, интересом современной отечественной науки к специфике художественного воплощения

«вечных» тем в произведениях искусства, в том числе литературы, во многом объясняемом реалиями российской действительности, поиском общей идеи, связующего звена, источника гармонии и духовного воскрешения; во-вторых, исследовательским интересом к творчеству Н. П. Огарева, недостаточно изученному на фоне предшественников и в контексте литературы золотого века.

Согласно мемуарам современников, Огарев обладал сильной влюбчивостью, при этом имел любовную драму: был глубоко несчастлив в личной жизни. Ему удалось испытать мимолетные увлечения, семейную жизнь с роковыми женами и судьбоносную встречу с женщиной «древнейшей профессии», которой все-таки удалось привнести в жизнь поэта некое подобие семейного счастья, в котором есть забота друг о друге, ласка и взаимопонимание [2; 14].

Биография и творчество Н. П. Огарева неоднократно становилось предметом научного изучения. Г. Г. Елизаветина в работе «Н. П. Огарев» представила поэта как тонкого и проникновенного лирика природы, дружбы, любви. Интеллектуальность и музыкальность стихотворений, по мнению Елизаветиной, причисляли поэта к созвездию достойных фигур поэтического мира. Она указала, что именно 40-е годы стали расцветом любовной лирики Огарева, которая отражала автобиографический элемент и поиски создания неповторимых художественных единств [22].

Работа С. С. Конкина «Николай Огарев: Жизнь, идейно-творческие искания, борьба» обращена к идейно-творческой стороне жизни Огарева. Исследователь представил лирического героя поэзии Огарева как передового человека своего времени, указав, что поэзию Огарева пронизывает преимущественно социальный пафос, хотя интимные мотивы ей также не чужды [26].

Современный исследователь О. Мякотных в статье «Лирика Н. П. Огарева: к проблеме изучения» поднимает вопрос об определении места творчества Огарева в истории русской поэзии. Анализирует мнения критиков и

литературоведов, автор предпринимает попытку сформировать целостное представление о фигуре Огарева и его поэтическом наследии [33].

Вместе с тем до сих пор отечественными литературоведами не создано целостного исследования, которое позволило бы восполнить пробел в изучении художественного мастерства поэта и вывело бы читательское представление о его творчестве за рамки социально-политической и философской поэзии. Данное обстоятельство свидетельствует о степени **научной новизны** бакалаврской работы.

Объектом исследования является любовная лирика Н. П. Огарева.

Предметом исследования стали художественные особенности любовной лирики Н. П. Огарева.

Цель бакалаврской работы – описать художественное своеобразие любовной лирики Н. П. Огарева.

В соответствии с целью в исследовании поставлены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть любовную лирику Н. П. Огарева в контексте русской поэтической традиции 40–60-х гг. XIX века;
- 2) представить мотив «тайной любви» как сюжетобразующее начало «Книги любви»;
- 3) выявить рецепцию любовной лирики Н. П. Огарева в критике и литературоведении;
- 4) проанализировать основные образы и мотивы любовной лирики Н. П. Огарева;
- 5) описать средства создания поэтической образности в любовной поэзии Огарева.

В процессе работы использовались биографический, структурно-семантический и сравнительно-сопоставительный методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретическую базу исследования составили труды Ю. И. Айхенвальда [1], П. В. Анненкова [2], В. С. Баевского [4], Г. Н. Барановой [5], С. А. Венгерова [14], Л. Я. Гинзбург [19], Г. Г. Елизаветиной [22],

С. С. Конкина [26], С. А. Рейсера [40], В. Д. Сквозникова [44],
Б. В. Томашевского [45], Ю. Н. Тынянова [46] и др.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

1 Любовьная лирика Н. П. Огарева в контексте русской поэтической традиции 40–60-х гг. XIX века

1.1 Тайная любовь как сюжетобразующее начало «Книги любви»

В 40–50-е годы XIX века появляются первые русские стихотворные циклы, в число которых входит и «Buch der Liebe» («Книга любви») Н. П. Огарева. Стихотворный цикл оказался жанром емким, способным вместить тончайшие оттенки психологических переживаний. Это обусловило его распространенность в русской поэзии второй половины XIX и начала XX веков.

Лирическим циклом чаще всего называют собрание некоторого количества стихотворений, связанных более или менее единой темой; иногда собрание единого жанра (элегии, баллады); иногда просто небольшой сборник стихотворений. Такое понимание удовлетворяет чисто внешним признакам цикла, не касаясь его внутренних связей, которые делают лирический цикл органическим художественным единством. Так, по жанровому принципу объединялись стихотворения в сборниках классицистов и ранних памятников. Например, «Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова распадаются в циклы «Элегии», «Послания», «Смесь», причем каждый цикл не включает в себе определенной концепции, которой подчинялся бы весь стилистический строй жанра.

Иногда под циклизмом понимают существование в творчестве художника ряда устойчивых, наличествующих в произведениях разных лет тем. Очевидно, что присутствие определенных идейно-тематических комплексов, групп произведений, не собиравшихся самим автором в некое единство, идейное и сюжетное, – характерная черта любой художественной системы.

В литературной энциклопедии терминов и понятий дается такое определение: «Циклизация – объединение нескольких самостоятельных произведений в особое целостное единство [28, с. 596].

Л. Ляпина определяет цикл как: «тип эстетического целого, представляющий собой ряд самостоятельных произведений, принадлежащих одному виду искусства, созданных одним автором и скомпонованных им в определенную последовательность» [29, с. 123].

В современном литературоведении нет единодушного решения, что считать лирическим циклом. Во многих работах можно найти, что лирический цикл – это целостное образование, которое по своим внутренним свойствам приближается к самостоятельному литературному произведению, а отдельные стихотворения внутри него значимы как части целого. Так, Л. Е. Ляпина пишет: «лирические образования правомерно рассматривать как цельные художественные произведения» [29, с. 127].

В «Книге любви» Н. П. Огарева нашло отражение глубокое, но тайное чувство, адресованное сестре русского драматурга Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной (1819–1896), ставшей для поэта музой, узнавшей о любви к ней автора книги только после его смерти.

В нежных романтических любовных посланиях Огарева проступает его скромный и мечтательный жизненный облик. Любовь становится для него средством поиска внутренней гармонии, разрушенной обстоятельствами как внешнего мира, так и личной жизни, о которой следует сказать, прежде чем приступить к анализу стихотворений поэтического цикла.

Н. П. Огарев (1813–1877) – поэт, мыслитель, публицист и пламенный революционер – прожил непростую жизнь. Перипетии эпохи XIX века полностью отразились как в нем самом, так и в творческом наследии поэта. Можно сказать, что Огарев – лицо того времени, по которому можно прочесть судьбу русского человека.

Родился Огарев в знатной семье патриархального уклада. Мать и бабушка скончались, когда он был еще совсем мал. Получил прекрасное домашнее и университетское образование. Родной дом был тягостен: «Дом мне был тюрьмой» – позже напишет он в своем стихотворении. В 1826 году произошло судьбоносное для обоих знакомство Огарева с А. Герценом, переросшее в

дружбу, пронесенную до конца жизни. На Воробьевых горах молодые приятели дали клятву направить свою жизнь «на избранную борьбу» за свободу. «Бледный спутник блестящего светила, Огарев известен большинству русских читателей не сам по себе, а в ореоле Герцена, и он памятен не своими стихами, а как соратник последнего в борьбе за свободу, объединенный с ним знаменитой клятвой на Воробьевых горах...» [1, с. 147]. С точкой зрения Ю. Айхенвальда согласятся многие. Но вместе с тем своим соратникам и друзьям Огарев был знаком и как дружелюбный, общительный, душевный человек, которому удавалось создать вокруг себя атмосферу особого рода, заполняя собой всё пространство, где он раскрывался как художник слова, человек глубоко-искренний, душевный. Новые идеи, свободолобивые мечты, общественно-политические вопросы обсуждались в студенческом кружке, организованном Огаревым и Герценом в стенах Московского университета. Именно Огарев стал притягательным центром, т.к. обладал внешним обаянием, богатым внутренним миром, широким кругозором. Идеи, которыми жил Огарев, не разделяла власть: надзор, арест, ссылка стали частью его жизни. Несколько лет Огарев пробыл за границей (1841–1846), где пытался найти путь к гармонии и решить мировоззренческие проблемы. Жизнь и творчество Огарева не отделимы друг от друга: в произведениях его нашли отражение душа и судьба поэта.

В контексте русской поэтической традиции сложился стереотип, согласно которому Огарев предстал крестьянским революционером, публицистом, одним из создателей русской прессы за границей, поэтом-демократом. При всем интересе к личности и творчеству Огарев-художник – создатель нежных образов возлюбленной, Огарев-лирик – певец тайной любви оставался, да и остается до сих пор на второстепенном плане. О поэтическом наследии не складывалось целостного представления: одни видели лиризм интимно-камерных мотивов, другие – революционно-демократический подтекст как отражение конкретной эпохи. На первый план, конечно же, выходил Огарев-деятель, а не Огарев-поэт. С. А. Венгеров относил Огарева к типу

«второстепенных поэтов», но большое количество написанных любовных стихотворений в 40–60-е гг. XIX века говорит об обратном: Огарев-лирик имеет право на почетное место в плеяде поэтов, и прежде всего благодаря своим глубоким и высокохудожественным стихам о любви. «Книга любви», стихотворения о пережитых чувствах – тому доказательство.

Личная жизнь Огарева складывалась с трудом: отношения с возлюбленными юности, женами не имели счастливого конца. Поэт признавался А. Герцену, что «обладает ужасной влюбчивостью» и готов на все ради высокого чувства, которое он мог бережно хранить в сердце долгие годы:

К подъезду! – Сильно за звонок рванул я –

Что, дома? – Быстро я взбежал наверх.

Уже ее я не видал лет десять;

Как хороша она была тогда [34, с. 160].

«Единственная, которую я могу истинно любить, это ты, и я клянусь тебе, что эта любовь будет вечною...» – писал Огарев жене Марии Львовне [Цит. по: 49]. Он ее безумно любил, но она любила только его деньги. Светская жизнь испортила Марию Львовну, отношения стали тягостными. Муж отошел на второй план, Мария Львовна выбрала себе в спутники любовника. Брак распался, нанеся душевную рану поэту. Спасение Огарев видел в творчестве.

В 1849 году лирик вновь находит свою музу – Наталью Тучкову, которая в дальнейшем станет женой, но не только ему. В жизни Огарева случился любовный треугольник: третьим стал А. Герцен – ближайший друг и соратник. Вновь любимая выбрала не Огарева. В конце жизни Огареву удалось обрести покой и гармонию в отношениях с американкой Мэри Сетерленд, которая поддерживала поэта до конца его дней.

Каждая любовная история Огарева подкрепляется рядом стихотворений, полных переживаний, чувств и эмоций, которые испытал поэт, находясь вблизи или поодаль с той или иной женщиной. В них находят отражение биографические мотивы, переживания и эмоции лирического героя близки авторским. Так, его поэзия 1840-х годов передает настроения грусти и

разочарования, вызванное ставшими мучительными к тому времени отношениями с Марией Львовной. Огарев долго не мог поверить, что былой любви не вернешь. Стихотворения, обращенные к Марии Львовне, полны горячего, но становящегося все более безнадежным чувства. Во всем вина себя («Тебе я счастья не давал довольно...»), он просит лишь одного – не омрачать памяти о прошлом:

Я будущность широко мерил,
Мой мир был полон и глубок!
Но замер он среди печали;
И кто из нас виновен в том,
Какое дело – ты ли, я ли,
Его назад мы не вернем [34, с. 237].

Огарев вспоминает тех, кем увлекался прежде («Стучу – мне двери отпер ключник старый...»), свою первую любовь («К подъезду! – Сильно за звонок рванул я...»), он воссоздает случайные встречи, напоминающие ему о былой любви:

И я желал, чтоб нам еще далеко,
Далеко было ехать; чтобы нас
Без отдыха везла, везла карета,
И не имел бы этот путь конца,
И лучшие я пережил бы лета,
Смотря на очерк этого лица! [34, с. 150].

Любовная страница, связанная с Евдокией Сухово-Кобылиной, требует особого внимания. Влюбленность возникла во время первого брака Огарева с Марией Львовной в 1841 году, когда союз стал давать трещину. Именно эта женщина стала настоящей музой, тем неуловимым образом возлюбленной, чье сердце никогда не будет принадлежать поэту. Семейное положение и робость не давали возможности признанию. Он любил тихо, тайно... История его личной любви переросла в лирический цикл, состоящий из 45 стихотворений под названием «Книга любви» (1841–1845). Лирическое произведение писалось

на протяжении 1840-х гг., но было опубликовано лишь в 1956 году – все это время стихи оставались неизвестными читающей публике. Благодаря 80-летней Марии Михайловне Петрово-Соловово рукописный сборник обрел вторую жизнь. В 1939 году в институт мировой литературы им. М. Горького Мария Михайловна принесла реликвию, которая в дальнейшем стала ценным вкладом в отечественную поэзию [Цит. по: 20].

Вдохновением для создания книги стало знакомство с Евдокией, или Душенькой Сухово-Кобылиной – сестрой Александра Сухово-Кобылина – будущего драматурга. Огарев сблизился с Александром в Московском университете. Они сразу нашли общий язык, гостеприимный дом матери Александра стал вторым домом для товарища. Из трех сестер Сухово-Кобылина по душе пришла Душенька, ей было тогда 13 лет. Через несколько лет он посвятит ей строки:

И не любил еще я так глубоко,
Как вот когда, с капризною враждой,
Томя меня любовью одинокой,
Судьба хохочет надо мной [34, с. 197].

Следующая встреча произошла, когда Душеньке исполнилось уже 19 лет. Граф М. Бутурлин писал, что «...ни одна из московских красавиц того времени, кроме Душеньки Сухово-Кобылиной, не заслуживала названия красавицы» [Цит. по: 9, с. 45]. Огарев не отходил от нее ни на шаг, свои чувства запечатлевал в дневник, в котором она представлялась возвышенной романтической натурой, наделенной чутким и добрым сердцем.

1840-е г. Огарев провел за границей, поддерживая отношения с Душенькой благодаря переписке. В письмах не было намеков на истинные чувства, они были полны дружеского настроения, только поэтический дневник «Книга любви» хранил тайну:

Вдали от Вас я только тем живу,
Что брежу Вами в снах и наяву
Что вокруг меня – того как будто нет,

Все призраки; действительность – мой бред,
И у меня все вы перед глазами,
И долго, долго я люблюсь вами [34, с. 194].

В этом признании отразились и робость, и нежность, и способность к самопожертвованию. Евдокии Сухово-Кобылиной шел 28-й год, так продолжаться больше не могло. У Душеньки появился жених Михаил Федорович Петрово-Соловово – представитель знатного рода. Их союз оказался крепким. Огарев всю жизнь сожалел о том, что не поборолся за свое счастье.

В стихах цикла нет страстности, они полны тихого любования, восхищения красотой девушки, чей облик напомнил поэту мадонну. Эта любовь не нуждается в осуществлении, она лишь «мечта», «сновиденье», еще одно воплощение вечно ускользающей от поэта любви:

Ведь я уже не раз любил, – и что же?
Горела, гасла, длилась, гасла вновь
На сны, в ночи бродячие, похожа
Моя тревожная любовь [34, с. 197].

Именно 1840-е г. стали расцветом любовной лирики Огарева. П. В. Анненков данный период называл «замечательным десятилетием», когда Огарев-художник расширял горизонты творчества. В это время он находился в длительном путешествии по Европе, где обогатился новыми впечатлениями, отразившимися в его поэтических творениях. За время путешествия в русской периодике было напечатано около сорока стихотворений на различную тематику. Огарев успел занять достойное место в поэтическом мире.

По своему духу и творчеству Огарев близок М. Ю. Лермонтову. Они учились вместе в университете, печатались в «Отечественных записках», были людьми одной эпохи, но лично знакомы не были. Сходство двух значимых фигур заключается в похожести лирического героя произведений. Так, В. И. Коровин отмечает: «Огарев близок Лермонтову тем, что в его лирике также выражены... психологически конкретные, живые человеческие чувства,

характерные переживания дворянского интеллигента, «сладкие мечты» которого не свершились» [27, с. 11]. Обнаружив в поэзии Огарева «лермонтовский элемент» (В. Г. Белинский), сохраняется творческая оригинальность и самостоятельность лирического голоса.

Творческие 1840-е годы лирика отличаются увлечением немецким романтизмом, в частности Гейне и Гете. Происходит переход от высокого романтизма к настроению тайного страдания. Огарев переводит Гейне и Гете, Шекспира и Байрона. Любовная лирика этих лет по своей природе не описывает событий, а стремится передать само чувство, настроение поэта и создать неуловимые образы. Недаром современники сравнивали Огарева с Фетом. Их лирика наделена фиксацией настроений, заметной музыкальностью. Неслучайно композиторы часто использовали в качестве текстов для романсов стихотворения этих поэтов:

Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немы и робки» [34, с. 275].

Как и любое значительное явление в литературе, поэтический мир Огарева не поддается конкретному определению: певец ли он любовной лирики или «чистый» поэт с гражданской позицией. Феномен его поэзии в том, что он мастерски соединяет в себе два «Я». Личная лирика сливается с лирикой протеста (не говоря о прямолинейных стихотворениях), произведения содержат обе эти стороны, при этом сохраняется самостоятельность голоса. Это стало особенностью творчества, сделав его удивительно поэтичным.

Например, П. Анненков вспоминал в своих записях Огарева как истинного поэта-романтика [2], но многие считали, что Огарев будто успел ухватиться за романтизм, сел в последний поезд, т.к. ведущим направлением в 1830–40-е гг. (как раз расцвет поэтической деятельности Огарева) был реализм. Поэт обладал внутренней свободой жизни, поэтому ему удавалось сохранить возможность быть и проникновенным поэтом, и критиком, и деятелем. Эпоха

романтизма и любовной лирики миновала, утверждал А. Герцен, но Огарев был не согласен. Огаревскую модель «страдательной любви» близкий друг раскритиковал, убеждая в склонности придерживаться прежних воззрений [18, с. 245].

В русской поэзии 1840–60-х гг. XIX века любовная лирика Огарева занимает особое место. Его «Buch der Liebe» («Книга любви») стала одним из самых трогательных признаний в любви в истории русской поэзии. Она являет собой образец нежных, трепетных стихов о тайной любви, охватившей душу поэта и ставшей ведущим мотивом стихотворений, собранных в лирический цикл, расширивший свои границы до рамок книги стихов (вопрос о жанровой принадлежности остается дискуссионным и на сегодняшний день). Лирическая героиня книги стихов предстает женщиной, наделенной не только ослепительной красотой, но и удивительными человеческими качествами.

В «Книге любви» насчитывается 45 стихотворений. Записывались они в тетрадь, которую Огареву подарил Герцен 1 января 1842 года. Два стихотворения, а именно «Как все чудесно, стройно в вас...» и «По тряской мостовой я ехал молча...» были опубликованы поэтом в «Отечественных записках». Частично стихи печатались после смерти Огарева, инициатором стала Т. Пассек (1881 год). Только тогда Евдокия Васильевна узнала свой юный образ, услышала признание в любви, которое судьбоносно, спустя время, было передано через строки, написанные Огаревым:

Вы будете моей мечтою...

И заплачу я в жизни сей

Моей безвыходной тоскою

За тщетный сон любви моей [34, с. 193].

Также стихотворения публиковались Я. Черником в «Литературном наследстве» уже в XX веке. Следующее полное издание появилось в «Библиотеке поэта. Большая серия». При жизни Огарева печатались только два стихотворения, лирический цикл в полном объеме стал известен после 1939

года. Первое стихотворение лирического цикла было написано в России, а последнее в Берлине. Большая часть стихотворений создана в Италии.

Лирическая книга составлена из дневниковых записей в поэтической форме, посланий, частных писем, переложенных в стихи, страстных монологов и пейзажных зарисовок. Данный разнородный поэтический материал объединен одной темой – страдания от неразделенной тайной любви.

Эпиграф, взятый Огаревым из Гейне, придает повествованию меланхоличную тональность звучания: «Ты глупец, ты глупец, ты хвастливый глупец! / Горем замученный» [34, с. 192].

Избранная поэтом композиционная форма лирического дневника помогает читателю проследить все нюансы души лирического героя. Шаг за шагом поэт создает психологический узор его мыслей, чувств, настроений.

Жанровая специфика лирического цикла позволила Огареву создать последовательное повествование о жизни лирического героя, отразить в стихах процесс развития его души, историю его жизни, оставаясь в пределах чистой лирики. Тем самым многогранная лирическая мысль стала симфонической.

В «Книге любви» мотив тайной любви выступает сюжетобразующим началом. Особенностью сюжетосложения является наличие внешнего и внутреннего сюжета. Внешний сюжет содержит впечатления героя от путешествия по Европе, и цепь событий, участником которых он являлся, а внутренний сюжет – это лирические тайные переживания героя, история взаимоотношений между мужчиной и женщиной:

Я вас люблю! но не скажу вам
Ни слова про любовь мою,
И этих строк не покажу вам,
И все в себе я затаю [34, с. 193].

Дневниковая форма лирического произведения предоставляет возможность Огареву расширить горизонт творческого потока, не следовать четким жанровым канонам, делиться сюжетными зарисовками, тайными мыслями, оттенками переживаний, т.к. дневник – это личное, скрытое от

посторонних глаз. Между стихотворениями, как и записями в дневнике, расположенными в хронологическом порядке, возникают сюжетно-ассоциативные связи. Идущие друг за другом стихи воспринимаются не только как ступени личностного становления, но и этапы развития тайного чувства любви. Контекстуальность способствует формированию нового качества целого, создается лироэпический характер циклического жанрового образования. Таким образом, данный формат способствовал становлению «Книги любви» Огарева, в которой воссоздавались «отрывки из автобиографии», полные исповедальности.

Своеобразный сюжет выстраивается с помощью ряда связей: пространственно-временных отношений, образов, символов – все это создает единой мотив тайной любви, которым пронизано каждое стихотворение книги:

Вдали от вас я только тем живу,
Что брежу вами в снах и наяву.

.....

Улыбка ваша, ваш спокойный лик –
Я забываюсь, созерцая их [34, с. 194].

В. А. Сапоговым дано понятие системы межстихотворных «скреп» – это разнообразные связи между отдельными стихотворениями в цикле: тематические, сюжетные, мотивные и т.д. [Цит. по: 5, с. 111].

«Книга любви» открывается поэтической презентацией возлюбленной, выступающей абсолютным совершенством. Начальное «программное» стихотворение-обращение «Книги любви» способствует формированию сюжетно-композиционного комплекса:

Как все чудесно, стройно в вас –
Ваш русский локон, лик ваш нежный,
Покой и томность серых глаз
И роскошь поступи небрежной [34, с. 192].

В стихотворении возникает неуловимый, загадочный, тайный образ возлюбленной с русыми локонами и нежным ликом, в этом образе «все

чудесно, стройно», все вызывает восхищение лирического героя, выражающего готовность любить «тихо и глубоко», «в созерцанье погружась». Однако настроение упования милым обликом уступает место глубокой грусти во второй части стихотворения, создавая тем самым намечающийся романтический конфликт между желаемым и возможным: с одной стороны, это желание и готовность любить, с другой, боязнь разочарования в объекте немого обожания:

Боюсь узнать, что вы пусты,
Что вы ничтожной суетою
В холодном сердце заняты [34, с. 192].

Зародившийся конфликт в последующих стихах цикла пройдет сложную эволюцию, пройдя через попытку отдаления от источника тайно страсти к усилению трагизма, вызванного безответностью чувства, невозможностью рассказать о нем возлюбленной.

Вообще мотив расставания выступает в «Книге любви» неким хронотопом. Образ дороги появляется уже в первых творениях цикла и вызван он необходимостью расставания как возможного выхода из тупиковой ситуации. Отъезд героя – важное событие внешнего сюжета, приобретающего развитие. Но с отъездом и тайная любовь разгорается все большим огнем, свет которого вновь и вновь возвращает страдающего мужчину в его мыслях к своей «мечте», думать о которой одновременно мучительно и сладко:

Вдали от вас я только тем живу,
Что брежу вами в снах и наяву.
Что вокруг меня – того как будто нет,
Все призраки; действительность – мой бред,
И у меня все вы перед глазами,
И долго, долго я люблюсь вами [34, с. 194].

Во втором стихотворении мотив вынужденного расставания выражен в форме прощания:

Прощайте! В сердце это слово

Теперь мне врезано одно,
Едва ли не приучит снова
Мои глаза к слезам оно [34, с. 193].

Само слово «прощайте» определяется ключевым в этих странных отношениях, о которых герой говорит с безысходной грустью и «безвыходной тоскою» готов платить за чувство, в котором он не сможет признаться. Именно это табу на признание – еще один сквозной мотив книги:

Я вас люблю! но не скажу вам
Ни слова про любовь мою,
И этих строк не покажу вам,
И все в себе я затаю [34, с. 193].

И во втором стихотворении безысходность ситуации объясняется холодностью героини, которой любовь тайного воздыхателя «не нужна», о чем он догадывается из каких-то внутренних ощущений. В цепочке стихотворений возникают различные эпизоды, связанные пространственно-причинно-временной последовательностью, которые благодаря дневниковому характеру циклической композиции, помогают увидеть признаки сюжета, проявляющиеся в разнообразии настроений, мотивов, связанных с тайной любовью.

Герой сознательно выбирает путь тайной любви, не признаваясь в чувствах к даме, доверяя свои переживания лишь дневнику, тем самым тайная любовь становится сюжетобразующим началом книги с вытекающими мотивами страдания, грусти, хандры, несбыточной любовной мечты:

Так я, глупец, напрасным утешеньем
Хочу добыть обманчивый покой,
Но сердце не знакомится с забвеньем
И не расходится с тоской [34, с. 197].

Важно отметить, что монтажность композиции «Книги любви» играет важную роль. Лирический цикл может восприниматься как единое целое, так и отдельно друг от друга стихотворения являются самостоятельно значимыми, с помощью которых целое возникает и состоит.

Другой сквозной мотив, воплощающий мысль о необходимости сокрытия чувства, – неуверенность в женщине, которая может посмеяться над тайным воздыхателем, не понять его чистых намерений, удостоит его презрением. Душу лирического героя терзают сомнения, переходящее часто в отчаяние, в приливы ревности, в упреки, которых она никогда не услышит:

Что, если вы не любите меня?
Что, если вы действительно, быть может,
Смеетесь надо мной, тогда как я
Любовью мучусь? [34, с. 208].

Страдание – неизменный спутник тайного чувства героя «Книги любви». Невысказанное чувство объясняется не только боязнью быть отвергнутым, ведь все содержание «Книги любви» показывает надежду на взаимность. Лирический герой, прежде всего, страшится нарушить душевный покой своей любимой. Для него становится очевидным, что любовь принесет ей лишь страдание. Действительность, в которой оказались герои, врывается в романтический пафос произведения:

Но ваш покой смутить моим признаньем,
Благоговевя, никогда не смел.
Не потому, чтобы оно невольно
Могло любовь вам в сердце заронить;
Но вы жалели б, вам бы стало больно,
Что вы меня не можете любить [34, с. 196].

В раскрытии сердечной муки своего героя поэт прибегает к использованию разнообразных художественных средств и приемов. Например, употребление таких эпитетов, как «грустная тишина», «печальный взгляд», «вечный мученик», «тоскующая любовь» и др. помогают читателю глубже почувствовать разные оттенки настроения тоскующей души. Исповедь лирического героя всегда взволнованна, полна сомнений, внутренних мучительных переживаний, связанных с терзаниями тайной любви. Отсюда частое использование автором образа «плачущего» героя, причем, поэт никогда

не повторяется в таких моментах: «Все, что от вас есть у меня, / Я облил жаркими слезами. / Как хорошо, любя, страдать, / Слезами сладко упиваться» [34] и т.д.

Содержание «Книги любви» поражает глубиной и постоянством любовного чувства и чувства страдания, облеченного в совершенную поэтическую форму. Здесь живет милый и родной сердцу поэта образ. Лирический герой ощущает призрачность, несбыточность своих надежд, что и ведет к элегическим настроениям. Любовь стала для него «тайным светом души», под ее воздействием он меняется, преображается, доходя до ощущения счастья, облагораживаясь:

Любовь моя мне стала тайным светом
Людей встречаю с ласковым приветом,
Хотя мне их не надобно совсем;
На все смотрю я, все благословляя... [34, с. 203].

Поэтический цикл «Книга любви» можно назвать «лирикой признаний», поражающей глубиной чувств. В свои стихи поэт вложил различные оттенки переживания: светлую влюбленность, любование красотой, очарование, грусть.

Лирические стихотворения Н. П. Огарева предварили лирические циклы многих выдающихся поэтов второй половины XIX века. Тема любви, мотивы личных страданий нашли яркое воплощение в творчестве Некрасова, Тютчева, Фета. Спектр душевных терзаний мучительной любви наиболее полно раскрыт в лирическом цикле Некрасова «Панаевский цикл», образ «огня любви» стал доминантой «Денисьевского цикла» Тютчева. «Книга любви» Огарева – это нечто иное: это про робость, личную тайну и грезы любви.

Поэтический цикл «Книга любви» стал образцом такого многокомпактного жанрового образования и занял достойное место в контексте русской поэтической традиции XIX века, а также в циклическом творчестве Огарева. Тенденции к циклизации проявились в желании расширить творческий контекст, с учетом объединения лирических произведений в целое – они взаимодействуют друг с другом, расширяют понимание одного текста в

составе других текстов, появляется новое прочтение произведения и понимание становления самого автора через лирического героя. В «Книге любви» главным остается лирическое начало в синтезе повествовательного пространства, в котором возникают новые системы связей. «Книга любви» Огарева стала образцом неповторимого художественного единства. Актуальным вопросом и на сегодняшний день является: данное произведение лирический цикл или книга стихов? Или «отрывки из автобиографии» в поэтическом обрамлении, как охарактеризовал «Книгу любви» сам Огарев? Скорее всего, это книга-дневник, хранящая тайны любви определенного периода жизни поэта.

Таким образом, тайная любовь является сюжетообразующим началом в «Книге любви». Именно внутренний сюжет тайной любви (с богатым мотивным рядом) раскрывается на основе взаимоотношений двух героев, находящихся на телесном и духовном расстоянии. Хронологическая последовательность стихотворений, автобиографичность, становление лирического героя и развитие любовной истории, монтажность, межстихотворные скрепы, ряды связей мотивных, образных, пространственно-временных отношений, наличие столкновения лирического героя с самим собой, со своими чувствами помогают создать своеобразный сюжетно-ассоциативный ряд. «Книга любви» расширила горизонт творческого наследия Огарева, поэт проявил себя как создатель богатого художественного единства. Тайная лирика признаний еще раз доказала, что Огарев – настоящий лирик не по времени, а по духу, сердцу, судьбе.

1.2 Осмысление любовной лирики Н. П. Огарева в отечественной критике и литературоведении

В отечественной критике и литературоведении, к сожалению, сформировался устойчивый образ-стереотип, согласно которому Огарев в литературном мире является русским идеологом, мыслителем, поэтом-демократом или же талантливым критиком, публицистом, создателем русской

прессе за границей. Огарев проявил себя как автор около ста пятидесяти статей, листовок, прокламаций, тем самым заслужив себе имя настоящего деятеля эпохи. Большинство литературно-критических работ начинаются со слов об Огареве-революционере, общественном деятеле, авторе эстетических и философских работ и т.д. При всем интересе к личности и творчеству Огарев-поэт, Огарев-художник, Огарев-лирик оставался на второстепенном плане.

Если центром внимания становилось творчество Огарева, то предметом изучения оказывалось идейно-тематическое содержание, а не поэтика. Как правило, исследователи уделяют особое внимание художественной специфике поэм или мемуарно-автобиографических произведений, нежели любовной лирике. Например, Дружинин А. В. «Зимний путь», поэма Н. Огарева (старая орфография), Либединская Л. «С того берега» (Повесть про Огарева) и др.

Критики, исследователи, читатели разных эпох имели субъективные точки зрения на поэтическое творчество Огарева. Кто-то видел в нем поэта-гражданина, а кто-то чистого лирика – певца любовных историй. Одни видели четкую грань между поэтом и мыслителем, другие утверждали, что в поэзии все переплетено. Безусловно, любовная поэзия Огарева – это нежные мелодии признаний, неуловимые образы музыки, мечты о личном счастье не только для себя, но и для других. Стихотворения не могли оставить равнодушными критиков, которые смогли почувствовать поэтическую душу, сердце, чуткое ко благу ближнего, истину и доброту.

Современная Огареву критика – критика либерально-эстетствующих взглядов в лице В. П. Боткина, А. В. Дружинина, П. В. Анненкова, Ап. Григорьева, С. С. Дудышкина (середина XIX века) относил творчество поэта к интимной, печально-меланхолической, туманной лирике. Акцентировали внимание на эмоциональном тоне, настроении, интонационно-мелодической выразительности, вечных человеческих ценностях, гармонии, «чистой художественности», поэтическом мастерстве. Эстетическая критика была близка Огареву и Огарев был близок данному эстетическому

направлению, т.к. и критика и любовное творчество поэта основывались на философских взглядах Гегеля, Шеллинга и романтиков, находя аналогии в суждениях об искусстве А. С. Пушкина и В. Г. Белинского в его примирительный период. Признавая поэтический талант Огарева, его лирику рассматривали вне связи с эпохой и мировоззренческими взглядами. Сложилось мнение, что Огарев – представитель «чистого искусства», т.к. любовная лирика поэта, богатая красотой и гармонией, восхищением и светлой грустью, мастерски воплощенных в образах и мотивах, была оторвана от действительности и воспевала некое идеальное безжизненное чувство, приводящее читателей в состояние эстетической экзальтации.

Существовала и другая точка зрения. Например, Н. Г. Чернышевский, относящийся к революционно-демократическому направлению и рецензируя сборник стихотворений Огарева 1856 года, который также наполнен любовной лирикой: «Дилижанс», «К подъезду!», «Первая любовь» и др., высказал свое мнение о творчестве Огарева. «Огарев имеет право занимать одну из самых блестящих и чистых страниц истории нашей литературы», потому что в его поэзии «нашел себе выражение важный момент в развитии нашего общества» и отразилось «лицо типическое», а именно «чувства и мысли целого поколения освободительного движения». «В лирической поэзии, – личностью автора затмеваются обыкновенно все другие личности, о которых говорит он. У г. Огарева напротив: когда он говорит о себе, вы видите, что из-за его личности выступают личности тех, которых любил или любит он...» [48].

Н. А. Добролюбов в статье «Литературные мелочи прошлого года» причислял Огарева к «людям будущего», «перед которыми с изумлением преклонится всякое поколение» [21].

В ходе анализа литературно-критических работ становится ясно, что эстетствующая критика (А. В. Дружинин, П. В. Анненков, В. П. Боткин) видела заслугу Огарева-поэта в большей степени в лирике и уделяла особое внимание анализу интимно-камерных мотивов его поэтического творчества, а революционно-демократическая критика (в лице Н. Г. Чернышевского и

Н. А. Добролюбова и др.) рассматривала поэзию Огарева как отражение конкретной эпохи. В поэтическом творчестве критики увидели настроения поколения 30–40-х годов XIX века.

Сложность литературно-критической оценки любовной лирики Н. П. Огарева, проявляющаяся в ограниченности и односторонности анализа, объясняется тем, что литературному миру большая часть стихотворений поэтического наследия лирика была неизвестна. Многие стихотворения были разбросаны по журналам, но не были еще собраны воедино. «Книга любви» – образец любовной лирики – стала известна только после смерти автора, а годы эмиграции, политических ссылок способствовали на время «выключению» Огарева из хода развития русской поэзии и плеяды, обсуждаемых в кругу критиков фигур [40, с. 16].

Осмысление поэзии Огарева с эстетической точки зрения, начатое Боткиным, было продолжено в начале XX века дореволюционным литературоведением. Н. Н. Мендельсон проводил грань между Огаревым-деятелем и Огаревым-лириком: «... как человек и гражданин Огарев не будет забыт никогда, как поэт он уже во многих отношениях принадлежит истории» [31, с. 220].

Невысокую оценку дал поэту Ю. И. Айхенвальд, отказывая творчеству Огарева в общественно-художественном значении, заявляя о том, что Огарев «весь в прошлом». «Огарев при романтическом свете луны бродит вокруг этих нравственных могил, извлекает грустные аккорды со струн своей немногострунной арфы и вызывает уснувшие призраки, «родные тени мертвецов»» [1, с. 148].

Советское литературоведение обратило внимание на эмоциональное наполнение лирики Огарева. Характеризуя лирическую тональность огаревской поэзии, С. А. Рейсер отметил: «Стихотворения пронизаны мотивами лирического созерцания с оттенком обреченности» [40, с. 10]. Любовь без грусти – это не любовь, она полна «огаревской скорби»:

Ночное небо было в темных тучах,

И соловей в саду уныло пел.

Мне было грустно, и она печальна

Казалась. А я не смел сказать,

Как я люблю, как мне страшна разлука [34, с. 194].

П. П. Перцов говорил об Огареве как о «самом мрачном из русских поэтов» [37, с. 164], а С. А. Венгеров уличал его за «беспредметную мечтательность», которая помешала Огареву проявить себя в полном объеме, уточнив при этом, что «небольшая книжка его стихотворений отводит ему очень видное место в ряду второстепенных поэтов наших» [14].

Г. Г. Елизаветина утверждает, что «выход сборников стихотворений (1856, 1858, 1863) привлек к себе внимание и утвердил за Огаревым репутацию одного из крупных русских поэтов его времени» [22, с. 59]. Огарев – тонкий и проникновенный поэт любви. Стихотворения всегда полны философских размышлений о человеке, судьбе, т.к. особое внимание уделяется внутреннему состоянию и поиску гармонии, как в себе, так и в поэтическом содержании произведения.

Критические мнения о поэте, любовной лирики, поэзии в целом носят противоречивый характер, что свидетельствует о том, что в критике и литературоведении, к сожалению, не сформировалось целостное представление о поэтическом наследии и особенностях его творческого метода. Одной из причин является тот факт, что от фигуры Огарева внимание литературоведов отвлекала личность его близкого друга А. Герцена – публициста и революционера, человека деятельного и активного. Огарев уступил ему как в жизненном (жена его ушла к Герцену), так и в творческом плане и согласно сложившемуся стереотипу остался в тени друга:

На наш союз святой и вольный –

Я знаю – с злобою тупой

Взирает свет самодовольный,

Бродя обычной колеей [34, с. 257].

Наиболее проникательно охарактеризовал Огарева один из его современников поэт Аполлон Григорьев: «Огарев – поэт действительно по преимуществу, в самом прямом смысле слова, с тою искренностью чувства, с тою глубиной мотивов, которые сообщаются всякому читающему его, поэт сердечной тоски, не той тоски а la Гейне, которая у некоторых звучит чем-то неприятно-фальшивым и приторно-принужденным, – не той тоски а la Лермонтов, которая так страшна у Лермонтова и так жалка у его подражателей... нет! Не такой тоски поэт Огарев: его тоска – тоска сердца, бесконечно нежного, бесконечно способного любить и верить – и разбитого противоречиями действительности» [Цит. по: 3]. Ап. Григорьев подчеркивает их «неотразимое обаяние», хотя и замечает, что написаны они «часто даже с замечательным пренебрежением к форме»:

Опять тоска, опять стремленье,
И страсть и скорбь проснулись вновь,
Опять нет веры в сновиденья,
Опять мучительна любовь [34, с. 203].

В литературоведении также отсутствует единое представление о жанровом своеобразии лирики Огарева. Мало изучены отдельные жанровые формы, с трудом поддающиеся жанровой классификации. Так, С. А. Рейсер все лирические произведения Огарева определяет как «стихотворение», т.к., по его мнению, тесно взаимосвязаны личное и общественное начало, тем самым нивелируя значение лирической составляющей в поэзии Огарева.

Исследователь Г. С. Комарова разделяет точку зрения Рейсера. Она полагает, что лирические произведения поэта «трудно квалифицировать определенной жанровой характеристикой» [Цит. по: 24, с. 280]. Огарев обладал «внежанровым мышлением», т.к. одна из его главных художественных позиций заключалась в свободе выбора формы, в поиске новых возможностей для создания лирического произведения. Исследователь утверждает, что поэт избегает подзаголовков, указывающих на расположение стихотворений в сборниках по принципу жанровой формы, предпочитая заголовки свободного

характера «отрывки из автобиографии», «монологи», «фантазии» и др. С данным мнением можно поспорить. Если поэт не использует жанровых заглавий, то это не говорит о жанровой свободе, а лишь доказывает то, что для автора важнее был единый концепт лирической истории, поток поэтической мысли, фиксирующий развитие душевной жизни автора.

Любовная лирика Огарева пронизана элегическим настроением, образец – «Книга любви», в которой стихотворения пишутся, во-первых, от первого лица, во-вторых, объединяются общей темой безответной любви, сквозными мотивами неизбежного расставания, грустных воспоминаний о прошлом, одиночества и непонятости:

За что? Зачем? За что вся эта кара?
Весь божий гнев на мне отяготел,
И жизнь моя осуждена на муку?
Но я настолько понимаю жизнь,
Что эта мука есть мое блаженство [34, с. 199].

Так как любовная лирика Огарева автобиографична, то возникает вопрос о «поэтическом романе», где есть один лирический герой, проживающий любовные перипетии своей жизни, тем самым создавая картину интимных переживаний, похожий на роман. Опять же, с другой стороны, это приводит к тенденции циклизации поэтического творчества, что говорит о создании «особого жанрового образования» (И. Фоменко), выполняющий функцию заверченного художественного произведения, например, «Книга любви».

Современный исследователь творчества Огарева О. Мякотных говорит о воздействии М. Ю. Лермонтова на поэтическое творчество Огарева. Влияние лермонтовской поэзии на раннее творчество Огарева, как правило, он видит в образе его лирического героя [33, с. 281]. В. И. Коровин отмечает: «Огарев близок Лермонтову тем, что в его лирике также выражены... психологически конкретные, живые человеческие чувства, характерные переживания дворянского интеллигента, «сладкие мечты» которого не свершились» [27, с.

11]. Схожи между собой романтический характер ранней поэзии Огарева и Лермонтова, их темы, мотивы, образы.

В литературных кругах Огарев никогда особо не пользовался шумной популярностью. Но критики всегда по достоинству оценивали личность и творчество поэта, с почетом говорили о нем, когда приводилось перечислять «лучших наших поэтов в настоящее время» [2, с. 117]. Одни по-настоящему восхищались поэтическим наследием Огарева, другие относили к числу «второстепенных поэтов». Публика с уважением относилась к таланту поэта, ей полюбились многие стихотворения: («Еще любви безумно сердце просит...», «Как все чудесно стройно в вас...») и др. Н. Г. Чернышевский писал: «...наша критика, в последние годы творившая себе столько кумиров, не рассыпалась перед г. Огаревым в тех непомерных панегириках, на которые бывала она так щедра в последние годы» [48].

Лирические произведения Огарева не делали шуму. Ему всегда принадлежало только тихое сочувствие, да и то не слишком многочисленной части публики, по мнению Чернышевского. Критик-демократ ярко выступал на страницах «Современника» (1856) против явного искажения места поэзии Огарева в развитии русской литературы. Статья Чернышевского, посвященная сборнику стихотворений Огарева, глубоко анализировала историческое значение поэзии и всей деятельности поэта, чья жизнь и произведения «принадлежат истории» [48]. Чернышевский ставит в своей статье задачу показать в поэзии Огарева «отпечаток школы, в которой воспитывался его талант». Произведения поэта рассматриваются им как отражение идейной жизни передового русского общества 1830–40-х гг. Высокая оценка поэзии Огарева тесно связывалась Чернышевским с признанием больших революционных заслуг Герцена и Огарева перед русской литературой и освободительным движением. Критик утверждает, что «слава, которая суждена очень немногим из нынешних деятелей» должна принадлежать Огареву [48].

С. А. Венгеров на сегодняшний день наиболее полно охарактеризовал любовную лирику Огарева, которого называет человеком довольно скромным,

застенчивым, но «полным веры в свое призвание» [14]. «Вокруг него всегда создавался особый «огаревский культ», в его присутствии люди становились лучше и чище» [14]. «О. поэт совсем особого рода – в одно и то же время и глубоко-искренний, и совершенно лишенный непосредственности. Он представитель исключительно рефлексивной поэзии, того, что немцы называют *Grübeleien*. Стих его музыкален и мелодичен: О. был страстный музыкант и всегда томился желанием выразить сладко наполнявшие его душу неопределенные «звуки»» [14]:

В тиши ночной аккорд печальный
Тревожит мир души моей [34, с. 203].

Случайно как-нибудь, во сне,
Раздался мой аккорд печальный [34, с. 203].

Под скорбный звук изнемогая,
Я втайне думаю о вас [34, с. 203].

Сегодня колоколен звон печальный
Воспоминанье разбудил во мне [34, с. 206].

С. С. Конкин отметил «значительное место в лирике Огарева мотивов... и любви»: «К М. Л. Огаревой», «Первая любовь» и др. Литературовед характеризует «Книгу любви» как лирический цикл, посвященный теме тайной любви. Центральным образом цикла он называет пленительный образ женщины, «вызвавшей чистую, возвышенную, но неразделенную любовь»: «Я вас люблю! но не скажу вам / Ни слова про любовь мою, / И этих строк не покажу вам / И все в себе я затаю» [26].

С. А. Переселенков считает, что «из всего литературного наследия Огарева самым ценным считаются его лирические стихотворения, которым, главным образом, он обязан своей известностью» [36]. Поэтическое творчество Огарева он характеризует как «плач нежного, способного глубоко любить, но

слабого в других отношениях существа, искренно, но бессильно страдающего о том, что в мире слишком мало любви, справедливости и счастья» [36].

«Яркой страницей русской романтической поэзии» называет творчество Огарева В. А. Приходько, подчеркивая, что его «универсальная критика мироустройства сродни космизму Баратынского» [38].

В 1860-е годы большое значение имела и литературно-критическая сторона деятельности самого Огарева. Она развивалась в годы революционной эмиграции и отвечала задачам борьбы русской демократии за идейное искусство. Эстетические взгляды на историко-литературный процесс отражались в статье-предисловии Огарева к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия», в статье «Памяти художника» и др., в которых Огарев связывал развитие литературы с общественными условиями и утверждал, что произведения искусства не могут возникать вне общества. Огарев написал литературно-критические статьи о Пушкине, Рылееве, Кольцове, Полежаеве, Некрасове и др.

Реальная критика 1860-х гг. и советское литературоведение определяли ценность поэзии Огарева, исходя из мотива политической свободы, сопряженного с общественной деятельностью. Современный исследователь должен видеть многогранный образ свободы как высшей ценности человеческой жизни, как нравственной категории. Огарев никогда не понимал свободу как символ своеволия, анархии, бунта, о чем неоднократно говорил, оценивая поэзию Полежаева как проявление невежества «дикого барства». Огарев всегда видел разницу в своем мироощущении и Лермонтова, который в центр мироздания ставил свое «Я».

Когда стихотворения Огарева стали публиковаться в литературных газетах и журналах, например, в «Современнике», «Отечественных записках», то поэт сразу обратил на себя внимание критиков. Одним из первых оценил творчество В. Белинский – русский литературный критик, внесший огромный вклад в развитие отечественной журналистики. Белинский и Огарев стали близки по духу общественной мысли, что привело к некой поддержке Огарева в

лице видного литературного критика того времени. Чернышевский, Ап. Григорьев, Дружинин, Боткин, Анненков и др. также видели ценность творческого наследия поэта. Большое количество любовных, гражданских стихотворений пользовались известностью среди образованной публики. Некоторые стихотворения давно уже вошли в школьные хрестоматии. Огарев – поэт мировой скорби, но не общественного, а философского характера.

Поэтическая деятельность Огарева до сих пор не нашла правильной оценки. Буржуазно-эстетическая критика подчеркивала усадебного лирика, поэта дворянского упадка, рефлексии, безвольной грусти, систематически искажая ведущее революционное содержание его поэзии. Высоко оцененная многими современниками поэзия Огарева получила впоследствии искаженное освещение в серии высказываний от П. В. Анненкова, В. П. Боткина, Ю. И. Айхенвальда, А. П. Волынского и мн. др. Знарок биографии Огарева М. О. Гершензон подчеркнул в ряде своих статей именно те стороны его поэзии, которые делали Огарева причастным литературной традиции либерализма.

Таким образом, проведя обзор критической и научной литературы, можно прийти к выводу о том, что на сегодняшний день решен вопрос лишь о месте Огарева в истории освободительного движения и материалистической философии. Однако любовная лирика, поэзия Н. П. Огарева в целом представляет собой художественный феномен, не исследованный в полном объеме. В большей степени неосвоенными являются вопросы, связанные с поэтикой, в том числе – поэтикой жанров и выявлением образов, мотивов, стилевых черт лирики, хотя время от времени становились объектом внимания исследователей. Безусловно, любовная лирика поэта заслуживает большего внимания.

2 Художественные особенности любовной лирики Н. П. Огарева

2.1 Основные образы и мотивы любовной лирики Н. П. Огарева

Под художественными особенностями понимают неповторимые свойства и черты литературного произведения того или иного жанра, придающие индивидуальность, специфичность словесному произведению [28, с. 590]. Художественное своеобразие проявляется в индивидуально-авторской трактовке «вечных» тем, мотивов, образов, проблем, идей. В большей степени художественность помогают раскрыть система индивидуально-выразительных средств, приемов, способы создания образов, выражение авторской позиции в характере изображения и организации художественной речи.

Таким образом, своеобразие художественных текстов обусловлено несколькими категориями: эстетической, идеальной, языковой, материальной. К особенностям относятся эстетическая функция, образность, динамичность, недосказанность и др. Главной чертой является художественно-образная речевая конкретизация. Системные качества художественного произведения проявляются в эстетически ориентированной концептуальности, т.е. в отражении поэтической картины мира автора, его представлений, образов, оценок и т.д. И функциональные качества текста заключаются в образности, ассоциативности, интерпретации и др.

Литературное наследие Н. П. Огарева является разнохарактерным в плане родовой и жанровой принадлежности: это поэмы, дневниковые записи, лирика (стихотворения, элегии, послания, лирические циклы), работы публицистической направленности и т.д.

Особый интерес представляет любовная лирика Огарева, которая стала художественной проекцией личной жизни поэта, но, к сожалению, не исследована в полном объеме с точки зрения художественного своеобразия.

Художественный мир Огарева – по типу дарования – лирика представляет собой не застывшее явление, а постоянный рост духовного, личностного плана,

меня при этом эмоционально-эстетическую окраску и расширяя образно-мотивный ряд стихотворений. Соприкасаясь с другими мирами – предшественников и современников, – он сделал новые художественные открытия, оставаясь необходимым звеном в поэтическом контексте сознания эпохи. Соприкасаясь с современным духовным опытом, он расширяет наше представление о человеке, его духовных возможностях, об эстетических ценностях поэтического слова. Конечно, эстетические и идеологические пристрастия также влияли на творчество Огарева. Очарование поэзии лирика заключается в ее взволнованности, исповедальности, постоянной эмоциональной напряженности, экспрессивности стиля.

Несмотря на то, что Огарев не принадлежал к активно изучаемым поэтам XIX века, он продолжал раскрывать новые грани поэтического творчества, например, «Книга любви» – лирический цикл, представляющий собой многокомпонентное образование, которое в дальнейшем обратило внимание исследователей на любовную лирику Огарева.

Как отмечает И. В. Фоменко, понятие «книга стихов» имеет в филологии два значения: во-первых, под книгой стихов подразумевается книга в традиционном смысле – переплетенные листы бумаги со стихами, сборник стихотворений; второе значение более узкое и специальное: под книгой стихов понимают особое жанровое образование, разновидность циклической формы [47, с. 64]. В этом плане определение огаревской ««Buch der Liebe» как книги стихов во втором значении не вызывает сомнения.

Для поэтики Огарева было важно расширить границы контекста одного произведения, учитывая другие, подобные по форме и содержанию. Таким образом, художественный мир одного произведения раскрывается в мире других произведений.

В любовной поэзии Огарева во всей полноте прослеживается талант проникновенного лирика. Средства художественной выразительности, организация стиха, приемы, краски творческой палитры поэта необычайно широки и самобытны. Его поэзия – это не плод фантазий, не полет

романтической мысли художника, а настоящие чувства, пережитые в определенные периоды жизни. Каждая любовная история Огарева подкрепляется рядом стихотворений, полных переживаний, чувств и эмоций, которые испытал поэт, находясь вблизи или поодаль с той или иной женщиной. Его ранние любовные стихи адресованы М. Л. Рославлевой отражают сложные перипетии их супружеских отношений. Зачастую они привязаны к конкретному биографическому факту, как, например, стихотворение «Станция» написанное в феврале 1839 года. В основе лирического произведения лежит грустное воспоминание о некоем печальном событии, произошедшем на маленькой станции и вызывающем у героя отрицательные эмоции:

Я вспомнил, как ты здесь страдала,
Как сердце билось и чело
Болезни муки выражало, –
И как мне было тяжело!
Как каждый стон подруги милой
Мне скорбно душу волновал,
Я то молился, то, унылый,
Себя отчаяньем терзал [34, с. 61].

В стихотворениях, написанных во время начала отношений с Рославлевой, возникает образ «милой подруги», советчицы, друга-жены, разделяющей устремления героя. С ней он чувствует себя спокойно и комфортно, с ней он счастлив:

Но все мне на груди твоей
Бывает сладко так, Мария.
О! есть мгновения святые,
Где я далек тоски моей.
Есть сладость – сладость поцелуя,
Есть в мире счастье – любовь... [34, с. 106].

Известно, что Мария Львовна не отличалась внешней красотой, но она была бойкой, энергичной, живой. Может быть, именно эта активность больше

привлекала медлительного и скромного Огарева, чем внешность. Возможно, именно поэтому он не дает в стихах портрета возлюбленной, а акцентирует внимание на чувстве, которое их объединяет:

Я чувствовал, как по щеке моей
Скользит ее развитый мягкий локон,
Уста коснулись уст, мы обнялись
И плакали, блаженствуя в лобзанье.
<...>Мы так глубоко жили
Всей бесконечной полнотой любви... [34, с. 191].

Обожествляя Марию Львовну, Н. П. Огарев посвятил ей множество лирических стихотворений («Дай, расскажу тебе, мой друг...», «О! Тяжело забыть душою...», «Я помню робкое желанье...» и др. Однако гармония в их отношениях скоро уступила место охлаждению со стороны жены, а в любовных стихах с пронзительной грустью зазвучали мотивы одиночества, разочарования и неизбежности расставания:

Любовь проходит, и темно
Становится в душе безродной;
Былое будишь – спит оно,
Как вялый труп в земле холодной [34, с. 147].

На смену образу «милрой подруги» приходит образ равнодушной и холодной женщины, которую герой, несмотря ни на что, продолжает любить, у которой просит о прощении, от которой переносит упреки, приступы истерики, измену и предательство. Героя стихов этого периода отличает внутренне благородство и великодушие. Вину за охлаждение отношений он берет на себя, он больше страдает, он мучит себя воспоминаниями, напрасно пытаясь бежать от них:

Тебе я счастья не давал довольно,
Во многом я тебя не понимал,
И мучил я тебя и сам страдал...
Теперь я еду, друг мой! сердцу больно...

И я с слезой скажу тебе – прощай!

Никто тебя так не любил глубоко...

И я молю тебя: ты вспоминай

Меня, мой друг, без желчи, без упрёка... [34, с. 133].

Герой понимает, что впереди его ждет одиночество, ведь он, несмотря на молодой возраст, «растратил много веры и любви». Но, подобно пушкинскому герою, желает любимой женщине только счастья.

Мотив ушедшей в прошлое любви пронизывает стихотворение «Gasthaus zur Stadt Rom» (1841). Великое чувство оставило глубокий след в душе страстно любившего мужчины («Исполнен внутренним страданьем, / Без сна сидел я в час ночной»), оно еще живо и отзывается в душе физической болью («И сердце ныло»). Потеря любви приравнивается к смерти. Любовь видится главным двигателем жизни, она дарит человеку радость бытия, без любви нечем жить:

Любовь проходит, и темно

Становится в душе безродной;

Былое будишь – спит оно,

Как вялый труп в земле холодной,

И сожаленье нам одно

Дано с небес, как дар бесплодный... [34, с. 140].

В поисках животворного начала Огарев вспоминает тех, кем увлекался прежде, однако снова разочаровывается, возвращаясь в действительность:

Я забываюсь в сладком усыпленье,

И тени милые передо мной

В причудливом несутся сновиденье.

Я счастлив, я блаженствую душой...

Но будит вдруг внезапное волненье [34, с. 363].

Смиренно принимая удары судьбы, он пишет поэтическое прощание, адресованное жене и свидетельствующее о его действительном прощении ее, благородном и искреннем:

Но ты не забывай,
Что я, мой друг, тебя любил глубоко,
И с грустью сказал тебе – прощай!.. [34, с. 133].

Кульминационная точка в истории любви к Рославлевой отражена в стихотворении «Я помню робкое желанье...» (1842), пронизанном острым чувством безысходности и тоски, «сжигающей кровь». В небольшом по объему творении в совершенной поэтической форме нашла отражения сложная гамма чувств, показанных в динамике от их зарождения («робкое желанье») к вершине, представленной с помощью повтора и градации («Я помню ласки и признание, / Я помню слезы и любовь») и к умиранию («Пришла пора – прошло желанье, / И в сердце стало холодно»). Драматизм ситуации усиливается композицией: счастливый период описан в первых четырех строках, а вот угасание чувства, процесс душевного опустошения показываются в последующих двенадцати. Огареву-поэту удается показать разные стадии в развитии любовной страсти с помощью романтических эпитетов и метафор («высох слез поток живой», «Просило сердце впечатлений, / И теплых слез просило вновь, / И новых ласк...», «в сердце стало холодно»). С помощью антитезы между прошлым и настоящим показывается безысходность ситуации, которая, между тем, в жизни была разрешена рождением нового светлого чувства, платонического, возвышенного и вновь несчастного.

Любовь к Рославлевой еще долгое время отзывалась в Огареве острой болью, о чем свидетельствует стихотворение «К*** <М. Л. Огаревой>» (1844). В нем звучит настроение сомнения, неуспокоенности, неуверенности в правильности принятого решения, сопряженное с мыслью о трагической необратимости содеянного:

Расстались мы – то, может, нужно,
То, может, должно было нам –
Уж мы давно не делим дружно
Единой жизни пополам;
И, может, врознь нам будет можно

Еще с годами как-нибудь
Устроиться не так тревожно
И даже сердцем отдохнуть... [34, с. 106].

Здесь звучат отголоски мучительных выяснений отношений двух бывших возлюбленных («Я несть готов твои упреки, / Хотя и жгут они, как яд»), слышится откровенное раскаяние героя («Конечно, я имел пороки, / Конечно, в многом виноват»), осознание минувшей наивности и заблуждениях («Но было время – ведь я верил, / Ведь я любил, быть счастливым мог, / Я будущность широко мерил, Мой мир был полон и глубок!»), признание в том, что чувство еще живо («Еще слезу зовет с ресницы / И холодом сжимает грудь / О прошлом мысль»). Но в то же время в финале, напряженном и категоричном, провозглашается конец этой мучительной истории, доставившей ее участникам столько горя и переживаний («Закрота книга – наша повесть / Прочлась до крайнего листа»). Лирический герой предпочитает расстаться благородно. В последних строках звучит легкая грусть, слышится просьба бесконечно благодарного человека, христиански смиренного и сострадательного:

Прощай! Не дай тебе знать бог
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблуждения тревог...
Прощай! на жизнь, быть может, взглянем
Еще с улыбкой мы не раз,
И с миром оба да помянем
Друг друга мы в последний час [34, с. 106].

Параллельно с разрывом отношений с Рославлевой Огарев обретает музу вновь в лице Душеньки Сухово-Кобылиной. Как и в предыдущей истории, поначалу чувство влюбленности приносит поэту счастье и упоение. Лирический герой первых стихов «Книги любви» наслаждается минутами, когда может трепетно наблюдать предмет своей (в данном случае тайной) симпатии.

В первом стихотворении книги дается портрет лирической героини, поражающий своей гармонией и женственностью:

Как все чудесно стройно в вас –
Ваш русский локон, лик ваш нежный,
Покой и томность серых глаз
И роскошь поступи небрежной! [34, с. 192].

Между тем и в этом стихотворении ощущается тревожное состояние влюбленного героя. На место упоения, переданного в первой части, приходит чувство тревоги, вызванное неуверенностью в совершенстве созданного в сознании мужчины женского идеала («Боюсь узнать, что вы пусты, / Что вы ничтожной суетою / В холодном сердце заняты»).

Лирический герой «Книги стихов» выступает подлинным романтиком. Он так же любит пылко и страстно («Вдали от вас я только тем живу, / Что брежу вами в снах и наяву. / Что вокруг меня – того как будто нет, / Все призраки...» [34]), он так же предан мечтаниям и иллюзиям («Тут мир блаженства, и я в нем / Тону душой, как в небе голубом, / Живу и гасну в этом сновиденье, / И думать страшно мне о пробужденье» [34]), он так же остро реагирует на противоречия мира («Где вера? истина? любовь? / И нет любви, ничтожно знанье, / И веры нет – и скучно вновь / Все те же повторять страданья; / И скучно жить, и страшно жить, / Жить и не верить, не любить!» [34]), он так же категоричен в своих обвинениях и наблюдениях («А вы меня забыли!.. Что вам я? / Вы не любили никогда меня... / Любили, может быть, как всех других» [34]). Его чувство к идеализированной возлюбленной – поначалу возвышенное, неземное, необъяснимое:

Любовь моя есть ряд
Полунадежд, полупризнаний,
Полунесказанных страданий,
Полусказавшихся отрад [34, с. 219].

Первые стихотворения книги передают благоговейное восхищение лирического героя перед грацией и красотой своей возлюбленной. Его пленяет

ее внешняя красота («Как все чудесно стройно в вас...»), подчеркиваемая белым цветом – символом чистоты и девственности («Я вашу беленькую руку / Тревожно вам сожму рукой» [34], «Сердце билось сильно / Я видел платье белое» [34], «Зеленый ваш вуаль порхал вокруг шляпки белой...» [34]). Белый цвет выделяет возлюбленную из серости улиц и домов, обожествляет ее. А в стихотворениях XIV («Я по Флоренции бродил печально...») и XV («Вчера я в церковь dell'Annunziata...») возлюбленная предстает уже непосредственно в образе святой, запечатленной в мраморе. Этот мотив широко известен в мировой литературе, и он напрямую связан именно с мотивом «утаенной любви», в которой нельзя признаться в силу ее греховности или запретности.

Можно привести в качестве примера стихотворение А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный». Его герой – молодой рыцарь-романтик, тайно влюбленный Пресвятую Богородицу, перед ликом которой «проводил он дни и ночи». Другого счастья ему не было нужно. Образ Богородицы стал для этого одинокого путника не только откровением, но и смыслом всего существования. Именно ей он был верен всю свою жизнь и надеялся на встречу, когда отправлялся в далекую Палестину.

Однако судьба не баловала бедного рыцаря, который так и не сумел дойти до святой земли и скончался по дороге. За то, что они никогда не молился Богу и даже не был крещен, душу рыцаря бес собрался «тащить уж в свой предел». И именно тогда Мать Божья заступилась за своего верного слугу и «впустила в царство вечное» его душу, чистую и непорочную. В финале пушкинского произведения звучит надежда на возможное единение душ только после их смерти.

В стихотворениях Огарева возлюбленная – то же божество, причем даже выше «женщины из камня». Это не возлюбленная имеет внешнее сходство со святой, а, наоборот, святая напоминает возлюбленную:

Та же тихость
Во всей ее прекрасной форме. Та же
Безоблачность в ее лице спокойном

И та же нежность взора. Даже так

Она склонила голову, как вы.

Ее художник неизвестный создал! [34, с. 201].

Как пушкинский рыцарь, герой стихотворений Огарева, готов молиться своему видению, которое дарит ему надежду на встречу: «С тех пор я в церковь dell'Annunziata / Хожу, как на молитву, каждый день, / И там сажусь пред ликом мраморным, / И молча созерцаю в обожанье»). Кроме того, в душе страстно влюбленного мужчины живет мечта написать портрет возлюбленной, который станет для него предметом поклонения:

Но ваш портрет

Мне сделать надобно во что б ни стало,

А если мастером мне быть дано

И бросить кистью, свыше вдохновленной,

Живые образы на полотно –

Вы будете моей святой Мадонной [34, с. 207].

Любовь выступает в Книге стихов Огарева преобразующей силой, благотворно воздействующей на человека. Лирический герой словно окрыляется, видит мир прекрасным, не замечает суеты и бренности, прощает людям недостатки:

Уж не враждую я ни с кем,

Людей встречаю с ласковым приветом,

Хотя мне их не надобно совсем;

На все смотрю я, все благословляя... [34, с. 203].

В душе влюбленного мужчины звучит мелодия высокого неземного чувства, посланного свыше. Мотив звона, звука и самой музыки – это неотъемлемая часть любовной лирики Огарева. В. Боткин писал: «Стихи Огарева вернее всего можно назвать мелодиями... Больше всего они нам напоминают очаровательные мелодии Шопена и его гениальные этюды» [10, с. 226]. Музыкальная стихия врывается в художественную ткань стихов, придавая

плавность ритма, когда лирик спокойно повествует о прошлых счастливых встречах героя с возлюбленной:

Вчера я слушать оперу ходил,
И весь я музыки исполнен был.
А музыка – любовь, и в этот раз
Уверен был опять я видел вас [34, с. 211].

Однако по мере развития сюжета умиротворение уступает место сомнению и тревожности. Героя мучит безызначность, его посещают приливы ревности, отчаяния. В сравнении с ним образ возлюбленной статичен. И не случайно. Она все же плод его воображения, собранный из воспоминаний, в которых только лучшие моменты минутной близости, ни к чему не обязывающей, не позволяющей ни на что надеяться.

Все стихотворения цикла пронизаны мотивом мечты о возможном единении, картины сближения представляются как сны или призрачные видения, растревожившие душу мечтателя и мгновенно растаявшие, усилив тем самым настроение тоски и грусти:

И вы так живо, полно
В моем воображеньи создались,
Что я забылся, не хотел уйти,
Мне хорошо на этом месте было,
Но смолк орган, народ стал расходиться,
Действительность разрушила мой сон... [34, с. 202].

В финальных стихах на смену восторженности приходит уныние, на смену мечтам – разочарование, на смену неподдельной радости – попытка вызвать к жизни заснувшие эмоции. Герой признается, что «прошла брожения пора», что «душа бежит пустых волнений», что в душе он ощущает «опустенье» и «смертный холод». И он с горечью в сердце признается: «И показалось мне, что я / Вас не люблю – а то, что было, / Напрасно душу шевелило...» [34]. И хотя влюбленный мужчина еще надеется, что воспоминания о возлюбленной вернут его к активной жизни («Любовь меня

возвысит над бедою, / Спасет из хаоса страстей, / Очистит дух святынею
страданья» [34]), стихотворения лишены былого оптимизма и полета. Герой
устал ждать, перестал верить в невозможное.

Говоря об особенностях любовной лирики Огарева, важно отметить в
стихотворениях наличие лирического сюжета. Некоторые исследователи
отрицают наличие сюжета в поэзии, однако большинство считают, что
лирическое произведение не может быть бессюжетным. Конечно, лирический
сюжет поэтического произведения отличается от сюжета в эпосе. События
воспроизводятся в той мере, какая нужна для передачи эмоциональной оценки.
Отличительными чертами сюжета лирики являются фрагментарность, некая
схематичность, бессобытийность. По наблюдениям Т. И. Сильман, сюжет в
лирике «развертывается» не своим естественным путем, не первично, а
отражено, через переживания героя, который с точки зрения перспективы
изображения находится в некой фиксированной пространственно-временной
точке, соответствующей в психологическом плане состоянию лирической
концентрации [43, с. 8].

Лирический сюжет стихотворения – это движение, динамика чувств,
настроений, событий. Сюжет лирики Огарева весьма своеобразен, он
развивается по нескольким сценариям. Это сюжет внешний и внутренний.
Внешний сюжет подразумевает собой фон событий, на основе чего развивается
внутренний сюжет – это выражение мыслей, чувств, оценок поэтического «Я»
посредством лирического героя. Например, во время путешествия за границей
Огарев пишет: «Я по Флоренции бродил печально / По лестницам высоким я
входил / И я смотрел / Взошел я в церковь» и др. [34], с помощью глаголов
«бродил», «входил», «смотрел», «взошел» ощущается динамика и развитие
цепочки событий. Далее поэт продолжает: «И втайне все искал / Я вашего лица
среди созданий / С тоскою беспокойной / В душе я проношу чудесный образ» и
др. [34]. Развивается внутренний сюжет, полный чувственных переживаний, в
надежде увидеть милый образ. Наблюдается синтез внешнего и внутреннего
сюжетов, как взаимосвязь окружающего мира с лирическим героем, пытаюсь

рассмотреть в «картинах вдохновенных мастеров» свою музу сердца и найти ответы на вопросы личного характера: «Что значит крик молвы? / Еще ли жизнь меня обманет? / О! Так ли любят?» [34].

Следующий тип – сюжет бессобытийный в прямом смысле слова, но развивается при этом сюжет настроения, то есть личных чувств. Происходит конфликт или столкновение лирического героя с самим собой, а любой конфликт – это двигатель сюжета. Например, в стихотворении «Как все чудесно стройно в вас» автор рисует образ возлюбленной, делится при этом личными переживаниями, показывает смену чувств и эмоций. От восторга, вызванного созерцанием внешней грации возлюбленной, он переходит к описанию внутренних сомнений в действительности ее совершенства, высказывает опасение, что возлюбленная окажется «пустой» и «мелкою душою». Сюжет развития личных переживаний строится на контрасте противоречивых чувств. Подобный тип развития сюжета встречается и в стихотворениях («Прощайте! В сердце это слово...», «Livorno») и др.

Стихотворение «Дилижанс» является ярким примером развития событийного ряда (движения и звуков): «Мы сели / Различить моих соседей я не мог» / Они еще шумели / Терзали / Треск колес и звук / В угол я прилег» [34], накала страстей и воспоминаний о любви: «Я женщину увидел / Она сидела, голову склоня / Глаза ее горели / Какое сходство, боже! / И я с нее не мог свести очей / И я любил / Желал / И не имел бы этот путь конца / И лучшие я пережил бы лета / Смотря на очерк этого лица!» [34].

И, конечно, «Книга любви» Огарева обладает своеобразным лирическим сюжетом, где тайная любовь (внутреннего сюжета) является сюжетообразующим началом лирического цикла. Форма дневника помогает зафиксировать путешествия, события, чувства, образы и др., собственно из этого и складывается сюжет. Хронология последовательности стихотворений помогает скрепить лирику воедино и проследить развитие жизни, становление лирического героя. Сюжет одного стихотворения раскрывается в палитре других стихотворений. Тем самым образуется сюжет единого лирического

цикла (тайная любовь на фоне путешествия) и сюжет отдельно взятых стихотворений (например, лирическое признание музе «Вдали от вас я только тем живу...» [34]).

Лирический герой – это художественный двойник поэта, наделенный особенностями индивидуальной судьбы. Он – печальный художник, рисующий образ возлюбленной, который недостижим. Герой вспоминает былые чувства или страдает от тайной любви, которая одновременно и мучает его и делает счастливым. Поэтому лирический герой – это «вечный мученик», «измученный страданьем», для которого «мучительна любовь». «Мука» – кодовое слово любовной лирики Огарева.

Любовная поэзия Огарева по своей природе не стремится описать ситуации, события, а стремится к фиксации чувств и настроений, образов и мотивов, рождающихся в порыве любви и путешествий. Образы и мотивы лирики достаточно обширны. Автор использует уже устойчивые характеры и элементы поэтической традиции, также старается расширить, обогатить образно-мотивный ряд, присущий любовным стихотворениям.

Рисуется основной образ – портрет возлюбленной, как будто схваченный кистью художника в одно мгновение (в Италии Огарев брал уроки живописи). Автор опирается на принцип наглядности. Образ героини получается настолько видим, что это приводит к ее идеализации, возвышенности, недоступности. При этом у читателя создается рецепция визуального плана:

И нежно ваши сладостные взоры
Ведут со мной немые разговоры.
Улыбка ваша, ваш спокойный лик –
Я забываюсь, созерцая их [34, с. 194].

Ощущение присутствия образа любимой весьма ярко обнаруживается на протяжении всего повествования. Этот образ возникает неожиданно. Любое проявление действительности может всколыхнуть воображение героя:

Две женщины из мрамора сидят,
И их святой, молясь, благословляет.

Я побледнел и вспыхнул. Да! Одна
Из них на вас похожа. Та же тихость
Во всей ее прекрасной форме. Та же
Безоблачность в ее лице спокойном
И та же нежность взора. Даже так
Она склонила голову, как вы... [34, с. 201].

Но образ музы остается недостижимым, неуловимым, ускользающим:

Я видел платье белое
И чей-то медленно идущий образ.
Свеча исчезла – я проехал мимо,
И тяжело мне было на душе [34, с. 193].

Откровения лирического героя всегда взволнованы и мучительны, отсюда появляется образ «плачущего» героя: «Все, что от вас есть у меня / Я облил жаркими слезами / Как хорошо, любя, страдать, / Слезами сладко упиваться / Возьмите! Ваши слезы эти! / И заплатите мне слезой,/ Слезой участия» [34]. Помимо излюбленного слова «мука», появляется «слеза» – составляющие мотивного ряда.

Важными становятся образы природы и города. Психологический параллелизм помогает в полной мере выявить взаимосвязь лирического героя с окружающим миром, который будто точно так же полон грусти и тоски:

Ночное небо было в темных тучах,
И соловей в саду уныло пел.
Мне было грустно, и она печальна [34, с. 194].

Два дня я не видал моей статуи.
Флоренция уныла в эти два дня
Была. Над ней висели тучи [34, с. 205].

Лирический герой характеризуется высокой степенью символического мышления. Возникают образы любви-мечты, любви-видения, любви-сна, любви-разлуки:

Я так давно не видел вас во сне,
Что это даже стало страшно мне.
Мы так давно расстались... может быть,
Вам удалось совсем меня забыть,
И вы не стали посещать меня [34, с. 211].

Символическим значением наделяются и предметы, окружающие героя. Например, мантилья любимой «Мантилью вашу я! Как я в ночи бессонной / Ее к груди моей безумно прижимал!» [34]; ветка кипариса «Я сорвал ветку кипариса / С могилы женщины святой / И тихо ветку кипариса / Я в книгу эту положил» [34]; дар, страницы, образ «Ношу с собой я безотлучно / Ваш дар, работу ваших рук / Еще с собой ношу всегда я / Все те страницы, что ко мне / Шутя писали вы / Еще ношу я, как святыню, / Ваш образ в памяти моей»; цветок «И первый ландыш вам в то утро сорвал я – / И что с тех пор с моим цветком случилось?» [34]. Музыка для поэта играет большую роль. Она вдохновляет, гармонизирует душу так же, как и сама любовь. Музыка способна поражать воображение, симфоническая палитра может весьма точно передавать внутренний голос героя, быть созвучна его настроению: «Гремел орган / Звуки сотряслись таинственно / Опять гремел орган / Аккорд печальный / Влюбленные звуки» [34].

Мотивный ряд любовной лирики Огарева богат по своему содержанию. Тема любви многогранна, чувство предстает в динамике, в самых разных его проявлениях. Стихотворения связываются друг с другом по принципу соединения мотивов, расширяя центральную тему. «Книга любви» наиболее наглядно демонстрирует, как один мотив вытекает из другого.

Вместе с тем налицо ведущий мотив, то есть лейтмотив, проходящий сквозь лирическое творчество поэта – это мотив неразделенной любви. Тайное чувство теплится только в душе лирического героя (поэтического «Я»), отсюда и образуется мотивный ряд тоски, грусти, разлуки, прощания и т.д. Нужно отметить, что единство эмоционального тона (связанного с воспоминанием образа любимой) отнюдь не предполагает эмоционального однообразия.

Меланхолия, печаль, скорбь, никогда не переходят в безысходное отчаяние, а наоборот, любовь стала для него «тайным светом души», под ее воздействием он преображается, доходя до ощущения счастья: «И счастлив, что духовными очами / На вас безмолвно, долго я гляжу» [34].

Поэт показывает лирического героя в моменты душевных переживаний, достаточно жизненных, реальных. Это изображение опосредовано постоянным соотношением с вечным в жизни человека. В этом – своеобразие любовной лирики Огарева.

2.2 Стилиевые особенности любовной лирики Н. П. Огарева

Любовная лирика Огарева интересна не только своеобразием тематики, проблематики, образов, мотивов, жанровой структуры, но и своим поэтическим языком и стилиевыми особенностями.

Огарев рано осознал значение тех глубоких, качественных изменений в стилистической системе литературного языка, в результате которых нормы, установленные в свое время теорией «трех штилей» М. В. Ломоносова, уступили место новым нормам, формирование которых было теснейшим образом связано с творчеством Пушкина. В истории русского литературного языка сущность этих преобразований характеризуется как синтез ранее разобщенных высоких, средних и низких средств, как качественно иной (в сравнении с действовавшим в эпоху Ломоносова) принцип отбора и употребления стилистически окрашенных средств языка. В новой системе не стили и соответствующие им жанры определяют выбор слов, выражений, форм слов и конструкций, а конкретное содержание того или иного контекста художественного произведения, включающее в себя и авторскую оценку изображаемого.

Этот принцип не сковывает писателя заданной схемой подбора языкового материала, позволяет свободно, в зависимости от содержания, использовать в

одном произведении самые разнообразные стилистические богатства языка, не обезличивая в то же время их стилистических свойств. С возможностью синтеза разнородных по окраске единиц литературного языка и связан, как известно, расцвет индивидуальных стилей в русской литературе XIX века. Кроме немногих представителей романтизма, все писатели пошли по пути, проложенному Пушкиным, разумеется, не как подражатели его стилю.

Новая система литературного языка позволяла каждому талантливому литератору создавать свой оригинальный стиль, отражающий его мировоззрение, специфику его видения мира и его эстетические принципы. Как уже было сказано, яркое самобытное явление в русской литературе XIX века представлял и стиль Огарева.

Синтез стилистически контрастных (высоких и разговорно-просторечных) средств языка можно видеть во многих произведениях автора, в том числе и в любовной лирике. Общая стилистическая тональность любовных стихотворений, проникнутых лиризмом и пафосом, достаточно высокая, риторическая. В них много книжных слов, выражений, книжных форм слов и оборотов, характерных для романтического стиля:

Но страх и скорбь в ночи меня тревожат
Что, если вы не любите меня?
Что, если вы действительно, быть может,
Смеетесь надо мной, тогда как я
Любовью мучусь?..
И между тем как мчится жизнь моя
Мучительно в волнении бесплодном
Гордитесь вы в тщеславии холодном [34, с. 208].

На фоне этой патетики контексты, имеющие разговорную окраску, выделяются особенно четко и резко. Как правило, в этих контекстах представлены зарисовки реальных картин жизни, которые созвучны настроению автора. Приведем несколько примеров, выделив в них разговорные слова и выражения: «И только пес с досадою *впросонках* / Навстречу мне *сквозь*

зубы проворчал / Мне было грустно, и она печальна / Казалась. А я не смел сказать / Но вот испуганный ваш конь, остановись / Вдруг ринулся назад. За вами поскакал я / Глядела на меня точь-в-точь, как вы / Вам нравится. Но их любви язык – бездушный или детский лепет / Привычной колеей» [34].

Эстетические взгляды Огарева-романтика менялись в ходе жизни, но поэт не отказался полностью от применения целого ряда типичных для этого стиля средств. Однако сфера их употребления в его поэзии значительно сужена: они используются главным образом для изображения чувства любви и картин природы. Раскрывая же социальные темы, поэт обычно не обращался к романтической лексике или в ряде случаев трансформировал семантику этого материала.

Огарев, несомненно, способствовал процессу демократизации литературного языка. В поэмном творчестве Огарева воссоздается народная речь, получающая своеобразную поэтическую обработку, например, в «Господине». В любовной лирике данного явления выявлено не было. Некоторая особенность стиля поэта проявилась в умении представить не только романтические образы, но и условия общественной действительности (света) той эпохи:

На наш союз святой и вольный –
Я знаю – с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колеей [34, с. 257].

Оригинальной чертой любовной лирики Огарева является использование терминологии, которая употребляется только в узкой области. Поэт искусно использует «музыкальные» термины, превращая их в некий образ и наделяя символическим значением. Музыка и любовь в лирике Огарева идут рука об руку:

Вчера я в церковь dell'Annunziata
Пришел. Была вечерняя молитва.
Монахи пели, и гремел *орган*;

Под темным сводом *звуки* сотрясались [34, с. 202].

В тиши ночной *аккорд* печальный
Тревожит мир души моей,
Как будто отголосок дальний
Былого счастья, лучших дней [34, с. 207].

Мольбы остались тщетны – и не раз
Я думал, что с ума схожу подчас,
Вчера я слушать *оперу* ходил,
И весь я *музыкой* исполнен был.
А *музыка* – любовь, и в этот раз
Уверен был опять я видеть вас [34, с. 211].

У Огарева музыкальные термины органично вплетаются в ткань повествования, становясь одним из ее выразительных средств. Их употребление обуславливается темой и идеей лирического произведения. Они не кажутся стилистически инородными элементами на фоне контекста произведения, хотя часто в контексте многие термины выполняют новую для них эстетическую функцию, становясь одним из средств создания художественных образов.

Лирическому герою Огарева свойственно и самобичевание. Это чувство связано с его «страданием вопросом и сомнением»: «Она была?... Уж не любовь ли это? / Что вам я? / Ведь я уже не раз любил, – и что же? / За что? Зачем? За что вся эта кара? / И жизнь моя осуждена на муку?» [34].

Тревожно звучат внешне простодушно-наивные вопросы, в которые автор вкладывает боль и печаль. Отсюда лирические стихотворения наполнены риторическими вопросами, обращениями, восклицаниями. Они помогают выразить эмоциональность высказывания, привлечь внимание читателя к особо важным частям произведения.

Риторические вопросы: «Она была...? Уж не любовь ли это...? / Что это сон?...Так просто сон?...» / Где вера, истина, любовь?... / Зачем я жил, зачем

живу...?» [34]. Риторические обращения: «Вы будете моей мечтой... / Мой друг, спеши навстречу мне / Красавица, зачем волнуешь вновь...?» [34]. Риторические восклицания: «Я вас люблю! / Как я страдаю, думая о вас! / О! если б знали вы / Как мы могли бы счастливы быть оба!... / Опять доверчивей любовь! / Не верю!.. Верить мне смешно!» [34].

Поэт активно использует умолчание – стилистическую фигуру, заключающуюся в том, что начатая речь прерывается в расчете на догадку читателя, который должен мысленно ее закончить. Прерванное высказывание подчеркивает взволнованность и таинственность речи: «Минут безвольного воспоминанья – и только... / Я вам сказать хотел бы много... / И уж любить она не может... / Терзался в грезах наяву... / Молитва с уст звучать готова...» [34].

Прибегает к постепенному усилению, то есть градации, при которой каждое последующее слово усиливает значение предыдущего. Например, «Где вера, истина, любовь? / Тщеславны, злы, кокетливы – и только!» [34], «Без ожидания, / Без уставания, / Без содрогания» [34].

Любовные стихотворения пронизаны анафористическим и эпифористическим звучанием. Поэт мастерски сочетает в одном лирическом произведении единоначатие начальных (анафора) и конечных элементов (эпифора):

Вы дружбу мне хранить глубоко
Клялися, ввек не изменя.
О! если так – в стране далекой
Молю вас, вспомните меня!
В часы унынья и страданья,
Печально голову склоня,
Как друга, полного вниманья,
Молю вас, вспомните меня!
В часы молитв и умиленья –
Вы, как заступница моя,
Как ангел, полный сожаленья.

Молю вас, вспомните меня» [34, с. 205].

В любовной поэзии Огарева преобладает высокая лексика, которая придает стихотворениям возвышенность, торжественность и поэтичность, а образ возлюбленной обожествляется и идеализируется («лик», «созерцающая», «отчизна», «очи», «благоговение», «упование» и др.):

Зато в другой я жизни полон вами,
Зато в другой я вам принадлежу
И счастлив, что духовными очами
На вас безмолвно, долго я гляжу [34, с. 203].

Представитель русской дворянской культурной среды, Огарев не обходится в без иностранных слов и фраз как в названиях стихотворений, в эпиграфах, так и непосредственно в художественных текстах. Среди заимствований значительное место занимают германизмы – слова из немецкого языка, которым Огарев отлично владел. Прежде всего, именно по-немецки назван лирический цикл «Книга любви» – «Buch der Liebe», эпиграф к которому взят из Гейне: «Ты глупец, ты глупец, ты хвастливый глупец! Горем замученный!» («Du Tor, du Tor! du prahlender Tor Du kummergequalter!»). Кроме того, названия многих стихотворений цикла (преимущественно те, которые обозначают наименование географических объектов или имена собственные) даны на иностранном языке («Livorno», «Albano», «Saline Theodorshalle», «Schwalbach»). Внутри текста Огарев может помещать целые фразы из оригинальных творений немецких или итальянских авторов, названия географических объектов, рифмуя их с русскими словами и размещая в стихотворной строке с учетом ритмического рисунка:

Тот рыцарь был в далекой Палестине,
Искал забвения сердечных ран;
Но сердце, верное своей святыне,
Von seinem Grame nicht genesen kann {*},
{* Не может излечиться от своей тоски (нем.).} [34, с. 207].

Я взял коня и поскакал в Albano.
Там жили вы еще не так давно.
День ясен был, но злобный tramontano {*}
{* Северный ветер (итал.).}
Мне дул в лицо, и было холодно [34, с. 210].

Прощаясь, мы друг другу обещали
Не раз видаться... Тихо ехал я
В Castell'Gondolfo, где и вы бывали [34, с. 210].

В ходе исследования замечено влияние на Огарева пушкинской традиции: есть стихотворения с реминисценциями из лирических творений Пушкина (начала стихотворений, отдельные эпитеты, обыгрывания стихотворных строк и т.д.). Например, «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1829) Пушкина и «Я вас люблю! Но не скажу вам...» (1841) Огарева:

*«Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем»*

*«Я вас люблю! но не скажу вам
Ни слова про любовь мою,
И этих строк не покажу вам,
И все в себе я затаю» [34, с. 193].*

Или:

*«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты» (А. Пушкин, 1825)*

*«Я помню... (годы миновали!)...
Вы были чудно хороши;*

Черты лица у вас дышали

Всей юной прелестью души» [34, с. 298]. (Н. Огарев, 1857)

Стоит отметить, что творческая деятельность занимала Огарева с юных лет. Первые лирические произведения были весьма наивными, но при этом содержали глубокие философские мысли. Поэт активно совершенствовал поэтический слог, разрабатывал разные формы стиха, смело экспериментировал. Творческому поиску способствовало постоянное расширение кругозора, чтение произведений русской и мировой литературы, прекрасное домашнее и университетское образование. Индивидуальной чертой авторского творческого процесса является тот факт, что Огарев вносил минимальное количество правок в уже готовое произведение. Он прекрасно знал и отлично чувствовал русский язык, владел им и умел сразу писать грамотно и поэтично.

С композиционной точки зрения любовная лирика разнообразна. Преобладают стихотворения из трех, четырех и более стрóf, состоящие из четверостиший, восьмистиший и др. Излюбленной формой является написание стихотворений единым текстом без деления на стрóфы, но при этом интонационно-синтаксически смысловые части выделяются. Важно отметить, что чаще всего стихотворение содержит две смысловые части, контрастные по отношению друг к другу, независимо от их размера стрóf. Например, в первой части стихотворения «Как все чудесно стройно в вас...» образ возлюбленной нежен и прекрасен, а во второй становится «сухим» и «пустым».

Есть у Огарева и астрофические стихотворения, например, «Рим», «Я так давно не видел вас во сне». В любовной лирике поэт нередко использует прием «анжамбемана» – перенос части фразы из одной строки в другую, вызванный несовпадением интонационно-синтаксической связи с метрическим рядом. При чтении он отмечается паузой, без которой стихотворение теряет ритмическую выразительность. Переноситься могут как целые слова, так и части слова:

Любовь моя мне стала тайным светом

Души. Уж не враждую я ни с кем [34, с. 203].

И вы довольны были. Иногда
Казалось вам, что будто тот иль этот
Вам нравится. Но их любви язык» [34, с. 199].

Основные настроения любовной лирики поэта – это тоска, мечтательная грусть, чувство одиночества, меланхолические воспоминания о том, «что было, что сладко сердце разбудило и промелькнуло навсегда». Переход от «высокого» романтизма к «рефлексии», к настроениям «тайного страдания».

В жанровом плане лирика тяготеет к лирическому стихотворению, элегии, посланию. Форма лирического монолога, в которой выстроено большинство любовных стихотворений поэта, позволяет герою быть предельно откровенным в раскрытии тайн своей души – это исповедь поэта: «А я стою печально у окна / Я любовью мучусь / И не любил еще я так глубоко / Я вас люблю» [34]. Также складывается ощущение, что лирический герой ведет непрекращающийся душевный разговор со своим «далеким» другом. Воспоминание принимает форму диалога, и любимая будто совсем рядом от героя, она присутствует и слышит его страстные и горькие речи. Лирическое «ты» настойчиво звучит в стихах. «У читателя создается впечатление, что перед ним что-то вроде «романа» с двумя действующими лицами. Этот роман точно фиксирует биографические факты и передает характер и историю взаимоотношений героев» утверждает Г. С. Комарова [24, с. 52].

Огарев для усиления выразительности речи использует тропы, которые выполняют множество функций: придают эмоциональность словам, помогают выражать чувства, способствуют наглядному отражению картины внутреннего мира лирического героя, придавая стихотворениям индивидуальность.

Любовная лирика Огарева богата эпитетами: «полуночный час», «бездушный лепет», «тоскующая любовь», «мучительную силу», «робкою молитвой», «аккорд печальный», «нежный лик», «знойная страсть», «прекрасные черты», «мягкий локон» и др. [34], помогающие в полной мере раскрыть неразделенное чувство любви. Неожиданные сравнения: «любовь моя

есть бред», «хотя и жгут они, как яд», «исчезли вы, как тень», «я как Пигмальон, стою пред вами», «а музыка – любовь» представляют разнообразную гамму грустных настроений. Обращение к развернутым сравнениям и метафорам характеризуют автора как тонкого лирика, чутко улавливающего психологию настроений:

Но в эти дни унынья и скорбей
Душе еще один приют имелся,
Как страннику в морозы зимних дней
Огонь, где б он оттаял и пригрелся [34, с. 216].

И страстно шепчет мой язык
Все звуки вашего названья,
И эти звуки сладки мне,
Как песни юга, как лобзанье,
Как вод плесканье при луне [34, с. 214].

Также поэт использует прием звукописи (ассонанс и аллитерацию) для усиления образительности текста. Например, «Пустые улицы безмолвно выли / Пес сквозь зубы проворчал / Соловей пел / Аккорд печальный тревожит мир души моей / Гремел орган / Колоколен звон / Сто голосов шумели» [34], а эпитеты «влюбленные звуки, страстные звуки, скорбные звуки» помогают услышать музыку любви Огарева [34].

Огарев зарекомендовал себя ямбическим поэтом. Наиболее распространен в его поэзии пятистопный ямб в сочетании с пиррихиями и спондеями, что помогает придать произведениям разговорную интонацию, отчего стих Огарева становится легким, естественным, свободным. Эту же функцию выполняют и разные виды рифм. Употребление мужской и женской рифм, парной и перекрестной рифмовки придают лирике плавный, мелодичный характер. Сочетание простоты и гармоничности любовных стихотворений Огарева говорит о высоком лиризме поэта. Неслучайно один из исследователей творчества поэта П. Н. Сакулин пишет: «Не слишком богатый размерами и

рифмами, в скромном наряде целомудренного стиля, стих Огарева привлекателен своей теплотой и музыкальностью» [42, с. 189]. Это свидетельствует о консерватизме поэта и традиционности его стиха, но в то же время творчество Огарева говорит о широком диапазоне поиска новых стиховых средств и форм.

В стилевом отношении поэзия Огарева представляет собой явление переходного периода, в ней отразилось стремление художника слова найти современную форму для отражения нового отношения к действительности, переживаний личного характера. Поначалу поэт использовал преимущественно условно-романтические формы, свободные, однако, от известных литературных штампов. От его лирических монологов-исповедей веет искренностью и задушевностью. Но уже на рубеже 1830–40-х гг. Огарев нередко выходит за рамки романтизма, обращаясь к явлениям народной жизни. Силевые особенности, действующие в любовной лирике Огарева, тесно связаны с одной из характерных особенностей его поэзии в целом. Речь идет о лексической, синтаксической, ритмической и эмоциональной контрастности. Это обусловлено сложностью поэтической эпохи, в которой развивался поэт. В ту пору еще сильны были традиции романтической поэтики. Строй авторской речи характеризуется афористичностью стиха, повторами, анафорами, высокой лексикой, восклицаниями.

Огарев синтезировал тенденции стихового развития двух эпох, но и был поэтом, тонко чувствовавший стиховую форму и владевшим ее экспрессивными возможностями. Однако законченного нового стиля Огарев не создал. Поэзия обладает несомненными достоинствами искренности и простоты, представляя собой отображение различных периодов жизни, взглядов, мыслей, чувств.

В целом следует сказать, что любовная лирика Огарева богата изобразительно-выразительными средствами, изобилует высокой поэтической лексикой и отличается особым душевным почерком. Огарев создавал романтические образы любви-мечты, любви-видения, любви-сна, любви-разлуки.

Характерные мотивы поэтического творчества Огарева – встреча, дружба, любовь, расставание, путь, судьба и др. – образуют особый мотивный ряд любовной лирики, способствующие созданию и развитию сюжета. Стихотворения поэта – это лирические монологи, от которых веет исповедью о самом главном чувстве – о любви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Расцветом любовной лирики Н. П. Огарева становятся 1840-е гг., ставшие для поэта, вдохновленного глубоким чувством, «замечательным десятилетием» (П. В. Анненков). Путешествуя за границей, Огарев-лирик расширял горизонты творчества, совершенствуя при этом свой творческий метод. В это время были созданы прекрасные лирические стихотворения и циклы, имеющие биографическую основу: «К М. Л. Огаревой», «Монологи», «Книга любви» и др.

Любовная поэзия Огарева – явление уникальное. Его стихотворения, написанные в период увлечения немецким романтизмом, в частности Гейне и Гете, отразили процесс творческого поиска Огарева, перешедшего от высокого романтизма к настроению тайного страдания. Любовная лирика Огарева по своей природе не описывает событий, а стремится передать само чувство, настроение поэта и создать неуловимые образы. В любовных посланиях Огарева проступает его скромный и мечтательный жизненный облик. Любовь становится для него средством поиска внутренней гармонии, разрушенной обстоятельствами как внешнего мира, так и личной жизни.

Особое место в творческом наследии Огарева занимает «Buch der Liebe» («Книга любви»), в которой нашло отражение глубокое, но тайное чувство поэта к сестре русского драматурга Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной. Этот поэтический сборник вместил сорок пять нежных любовных стихотворений, объединенных общим мотивом, динамикой чувства и рядом сквозных образов.

Сюжетообразующим началом в «Книге любви» выступает «тайная любовь». Именно внутренний сюжет тайной любви (с богатым мотивным рядом) раскрывается на основе взаимоотношений двух героев, находящихся на телесном и духовном расстоянии. Хронологическая последовательность

стихотворений, автобиографичность, становление лирического героя и развитие любовной истории, монтажность, межстихотворные скрепы, ряды связей мотивных, образных, пространственно-временных отношений, наличие столкновения лирического героя с самим собой, со своими чувствами помогают создать своеобразный сюжетно-ассоциативный ряд.

Содержание «Книги любви» поражает глубиной и постоянством любовного чувства и чувства страдания, облеченного в совершенную поэтическую форму. Здесь живет милый и родной сердцу поэта образ. Лирический герой ощущает призрачность, несбыточность своих надежд, что и ведет к элегическим настроениям. Любовь становится для него «тайным светом души», под ее воздействием он меняется, преображается, доходя до ощущения счастья, облагораживаясь.

Поэтический цикл «Книга любви» можно назвать «лирикой признаний», поражающей глубиной чувств. В свои стихи поэт вложил различные оттенки переживания: светлую влюбленность, любование красотой, очарование, грусть.

Современная Огареву критика – критика либерально-эстетствующих взглядов в лице В. П. Боткина, А. В. Дружинина, П. В. Анненкова, Ап. Григорьева, С. С. Дудышкина (середина XIX века) – находила в его поэзии черты «чистого искусства», указывая на особый меланхоличный эмоциональный тон стихов, оторванность от действительности, обращенность к «неземным» размытым образам, «чистую художественность» стиля, закрепляя за Огаревым репутацию поэта тоски, грусти и глубоких чувств.

В свою очередь революционно-демократическая критика (в лице Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова и др.), оставляя без внимания лирику интимную, рассматривала поэзию Огарева как отражение настроения поколения 1830–40-х годов.

В жанровом плане лирика тяготеет к лирическому стихотворению, элегии, посланию. Форма лирического монолога, в которой выстроено большинство любовных стихотворений поэта, позволяет герою быть предельно откровенным в раскрытии тайн своей души.

В стилевом отношении поэзия Огарева представляет собой явление переходного периода. Огарев синтезировал тенденции стихового развития двух эпох, но и был поэтом, тонко чувствовавший стиховую форму и владевшим ее экспрессивными возможностями. Строй авторской речи характеризуется афористичностью стиха, повторами, анафорами, эпифорами, высокой лексикой, восклицаниями.

Любовная поэзия богата изобразительно-выразительными средствами, высокой лексикой и особым душевным почерком. Огарев создавал романтические образы любви-мечты, любви-видения, любви-сна, любви-разлуки. Характерные мотивы поэтического творчества Огарева: встреча, дружба, любовь, расставание, путь, судьба и др. образуют особый мотивный ряд любовной лирики. Стихотворения поэта – это лирические монологи, от которых веет исповедью о самом главном чувстве – о любви.

Огарев жил в интересное поэтическое время, когда творили ключевые фигуры литературного мира. Он умело синтезировал поэтические традиции и придавал лирике свой неповторимый почерк. Творчество Огарева многогранно так же, как и он сам. Огарев-поэт, Огарев-художник заслуживает большего внимания и объективной оценки поэтического наследия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Айхенвальд Ю. И. Огарев / Ю. И. Айхенвальд // Силуэты русских писателей : в 2 т. – М. : ТЕРРА книжный клуб : Республика, 1998. – Т. 1. – С. 147–150.
- 2 Анненков П. В. Записка о Н. П. Огареве [Электронный ресурс] / П. В. Анненков. РГБ. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. – СПб. : А. С. Суворин, 1892. – С. 111–121. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003929401#?page=1>
- 3 Афанасьев В. Жизнь и поэзия Н. П. Огарева [Электронный ресурс] / В. Афанасьев. ЭБС Руконт., 1980. – 7 с. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/8823>
- 4 Баевский В. С. История русской поэзии : 1730–1980 гг. Компендиум / В. С. Баевский. – М. : Новая школа, 1996. – 320 с.
- 5 Баранова Г. Н. Н. П. Огарев : «Книга любви» – дневниковая циклическая структура / Г. Н. Баранова // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по матер. XLVIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2015. – № 48. – С. 108–113.
- 6 Баранова Г. Н. Проблема жанровой номинации : от лирического цикла к лирической книге («Книга любви» Н. П. Огарева) / Г. Н. Баранова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – №124. – С. 177–182.
- 7 Баранова Г. Н. «Стихотворения Н. Огарева» 1858 год : особенности циклизации книги / Г. Н. Баранова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – №3 (24). – С. 46–50.
- 8 Белоусова О. О. Поэтика цикла и книги в современном литературоведении / О. О. Белоусова, О. А. Дашевская // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 6–14.
- 9 Бессараб М. Я. Сухово-Кобылин / М. Я. Бессараб. – М. : Современник, 1981. – 236 с.

10 Боткин В. П. Сочинения [Электронный ресурс] / В. П. Боткин. РГБ. – СПб., 1893. – Т. 3. – 246 с. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924170#?page=3>

11 Васильев Н. Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. И. Полежаева и Н. П. Огарева / Н. Л. Васильев // Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики. – М., 2014. – Вып. II. – С. 27–33.

12 Васильев Н. Л. Словарь поэтического языка Н. П. Огарева / Н. Л. Васильев. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 124 с.

13 Васильев Н. Л. Трагические мотивы в поэзии А. И. Полежаева и Н. П. Огарева / Н. Л. Васильев // Филологические исследования. – № 9. – 2005. – С. 103–116.

14 Венгеров С. А. Н. П. Огарев (1813-1877) [Электронный ресурс] / С. А. Венгеров. – Режим доступа : <http://ogarev.lit-info.ru/ogarev/bio/vengerov-ogarev-nikolaj-platonovich.htm>

15 Волошина С. М. Н. П. Огарев : автобиографическая публицистика в стихах / С. М. Волошина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 5. – С. 90–100.

16 Воронина Н. И. Н. П. Огарев и его единомышленники / Н. И. Воронина // Вестник мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 246–254.

17 Гайденков Н. М. Н. П. Огарев – поэт // Учен. зап. / МГПИ. – 1957. – Т. 115. – Вып. 7. – С. 3–43.

18 Герцен А. И. Н. П. Огареву, 22 ноября / 4 декабря 1845 г. : в 30 т. / А. И. Герцен. – М. : АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1961. – Т. 22. – С. 245–246.

19 Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1974. – 408 с.

20 Дементьева Е. Николай Огарев «Книга любви» [Электронный ресурс] / Е. Дементьева // Ежедневная газета «Сударушка». – 2008. – Режим доступа: <http://www.c-cafe.ru/days/bio/32/ogarev.php>

21 Добролюбов Н. А. Литературные мелочи прошлого года [Электронный ресурс] / Н. А. Добролюбов. Сочинения Н. А. Добролюбова, 1862. – Т. 2. – С. 393–458. – Режим доступа: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/kritika/literaturnye-melochi/literaturnye-melochi-chast-i.htm>

22 Елизаветина Г. Г. Н. П. Огарев (175 лет со дня рождения) / Г. Г. Елизаветина // Литература. – 1988. – № 9. – С. 3–63.

23 Каримов В. А. Слово о замечательном человеке, мыслителе, гуманисте (к 125-летию со дня смерти Н. П. Огарева) / В. А. Каримов // Вестник Тамбовского университета. – 2002. – № 2. – С. 3–17.

24 Комарова Г. С. Структура лирических циклов Н. П. Огарева / Г. С. Комарова // Проблемы творчества Н. П. Огарева : Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск, 1990. – С. 44–57.

25 Конкина Л. С. Н. П. Огарев и век просвещения / Л. С. Конкина // Интеграция образования. – 2003. – № 4. – С. 167–172.

26 Конкин С. С. Николай Огарев : (Жизнь, идейн.-творч. искания, борьба) / С. Конкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1982. – 503 с.

27 Коровин В. И. Н. П. Огарев (1813–1877) «Мой русский стих, живое слово...» / В. И. Коровин. – М. : Детская литература, 1983. – 159 с.

28 Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М. : Интелвак, 2001. – 799 с.

29 Ляпина Л. Е. Лирический цикл как художественное единство // Проблема целостности литературного произведения. Воронеж, 1976. – № 12. – С. 122–138.

30 Маслин М. А. Н. П. Огарев : от поколения к забвению / М. А. Маслин // Философия и общество. – 2014. – № 3. – С. 141–152.

31 Мендельсон Н. Н. П. Огарев / Н. Мендельсон // История русской литературы 19 века / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского : в 2 т. – М. : Изд-во т-ва «Мир», 1910. – Т. 2. – 683 с.

32 Мецгер А. Е. Стих Н. Огарева : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / А. Е. Мецгер. – Алматы, 1996. – 26 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/491011/a/?#?page=1>

33 Мякотных О. В. Лирика Н. П. Огарева : к проблеме изучения / О. В. Мякотных // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – № 10. – 2011. – С. 275–284.

34 Огарев Н. П. Избранные произведения : в 2 т. / Н. П. Огарев. – М. : ГИХЛ, 1956. – Т. 1. – 459 с.

35 Огарев Н. П. Избранные произведения : в 2 т. / Н. П. Огарев. – М. : ГИХЛ, 1956. – Т. 2. – 540 с.

36 Переселенков С. А. Огарев Н. П. [Электронный ресурс] / С. А. Переселенков. – Режим доступа: <http://ogarev.lit-info.ru/ogarev/bio/pereselenkov-ogarev.htm>

37 Перцов П. П. Н. П. Огарев / П. П. Перцов // Философские течения русской поэзии / сост. П. Перцов. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1899. – С. 163–172.

38 Приходько В. Николай Огарев [Электронный ресурс] / В. Приходько. – Режим доступа: <http://ogarev.lit-info.ru/ogarev/kritika/prihodko-nikolaj-ogarev.htm>

39 Путинцев В. А. Н. А. Тучкова-Огарева и ее Записки / В. А. Путинцев. – М. : Госиздат, 1959. – 381 с.

40 Рейсер С. А. Н. П. Огарев / С. А. Рейсер // Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы : в 2 т. – Л. : Сов. писатель, 1937. – Т. 1. – С. 5–25.

41 Решетилова И. В. В святой тиши воспоминаний : По материалам лирики и писем Н. Огарева / И. В. Решетилова. – М. : Современник, 1990. – 229 с.

42 Сакулин П. Н. Русская литература и социализм / П. Н. Сакулин. – М. : Гос. изд-во, 1924. – 480 с.

43 Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. – Л. : Советский писатель, 1977. – 223 с.

44 Сквозников В. Д. Лирика. Теория литературы / В. Д. Сквозников. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 3. – 592 с.

45 Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 334 с.

46 Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 574 с.

47 Фоменко И. В. Книга стихов : миф или реальность? / И. В. Фоменко // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции. Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2003. – С. 64–73.

48 Чернышевский Н. Г. Стихотворения Н. Огарева [Электронный ресурс] / Н. Г. Чернышевский. – Режим доступа: <http://chernyshevskiy.lit-info.ru/chernyshevskiy/kritika/stihotvoreniya-ogareva.htm>

49 Шахмагонов Н. Ф. Любовные драмы русских поэтов [Электронный ресурс] / Н. Ф. Шахмагонов. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=606282>

50 Щукин Д. С. Феномен творческого мира Н. П. Огарева : современный взгляд / Д. С. Щукин // Центр и периферия. – 2014. – № 1. – С. 94–103.

ОТЗЫВ

научного руководителя на бакалаврскую работу студентки 4 курса филологического факультета ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» Е. В. Налепиной
«Любовная лирика Н. П. Огарёва как художественный феномен»

Бакалаврская работа Е. В. Налепиной обращена к изучению любовной лирики Н. П. Огарева – поэта, чье творчество до сих пор не получило обстоятельного рассмотрения в отечественном литературоведении. Тонкий лирик и глубокий романтик, Огарев еще при жизни получил славу «второстепенного» поэта, но выдающегося революционера (и то благодаря дружбе с Герценом). Выбор темы связан со стремлением студентки, обучающейся в огаревском вузе, восполнить пробел в изучении интимной лирики поэта-мыслителя, которая еще не становилась предметом отдельного исследования, и расширить научное представление о творческом методе Огарева-поэта. В этом плане степень научной новизны работы не вызывает сомнения.

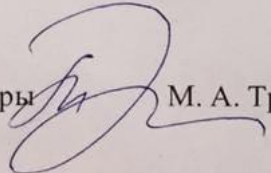
Е. В. Налепина ставит целью работы выявление художественного своеобразия любовной лирики Н. П. Огарёва и справляется с ней успешно. Основное внимание молодого исследователя занимает книга стихов «Buch der Liebe», которая рассматривается как стихотворный цикл. Студентка обстоятельно исследует его составляющие: сквозной мотив «тайной любви», динамику сюжета, образную систему, стилевые особенности.

Бакалаврская работа Е. В. Налепиной выполнена на достаточно высоком уровне. Она опирается на серьезную методологическую базу, четко структурирована, написана грамотным языком и выдержана в научном стиле. Автор проводит обстоятельный филологический анализ поэтических текстов, уместно оперирует иллюстративным и биографическим материалом. В работе применены различные методы исследования; обобщая мнения и открытия литературоведов, студентка аргументированно высказывает

собственную точку зрения. Цель работы видится нам достигнутой полностью.

Бакалаврская работа Е. В. Налепиной прошла проверку в системе Антиплагиат (некорректных заимствований не обнаружено).

Выпускная квалификационная работа демонстрирует у студента-бакалавра Е. В. Налепиной сформированность таких важнейших компетенций, как ОПК-1 (способность демонстрировать представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии в целом и ее конкретной (профильной) области), ОПК-3 (способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории литературы, истории отечественной литературы (литератур) и мировой литературы; представление о различных жанрах литературных и фольклорных текстов), ОПК-4 (владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов, филологического анализа и интерпретации текста), ПК-1 (способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности), ПК-4 (владением навыками участия в научных дискуссиях, выступления с сообщениями и докладами, устного, письменного и виртуального (размещение в информационных сетях) представления материалов собственных исследований). Работа соответствует требованиям, предъявляемым к работам подобного типа, и может быть допущена к защите.

Доцент кафедры русской и зарубежной литературы М. А. Тростина